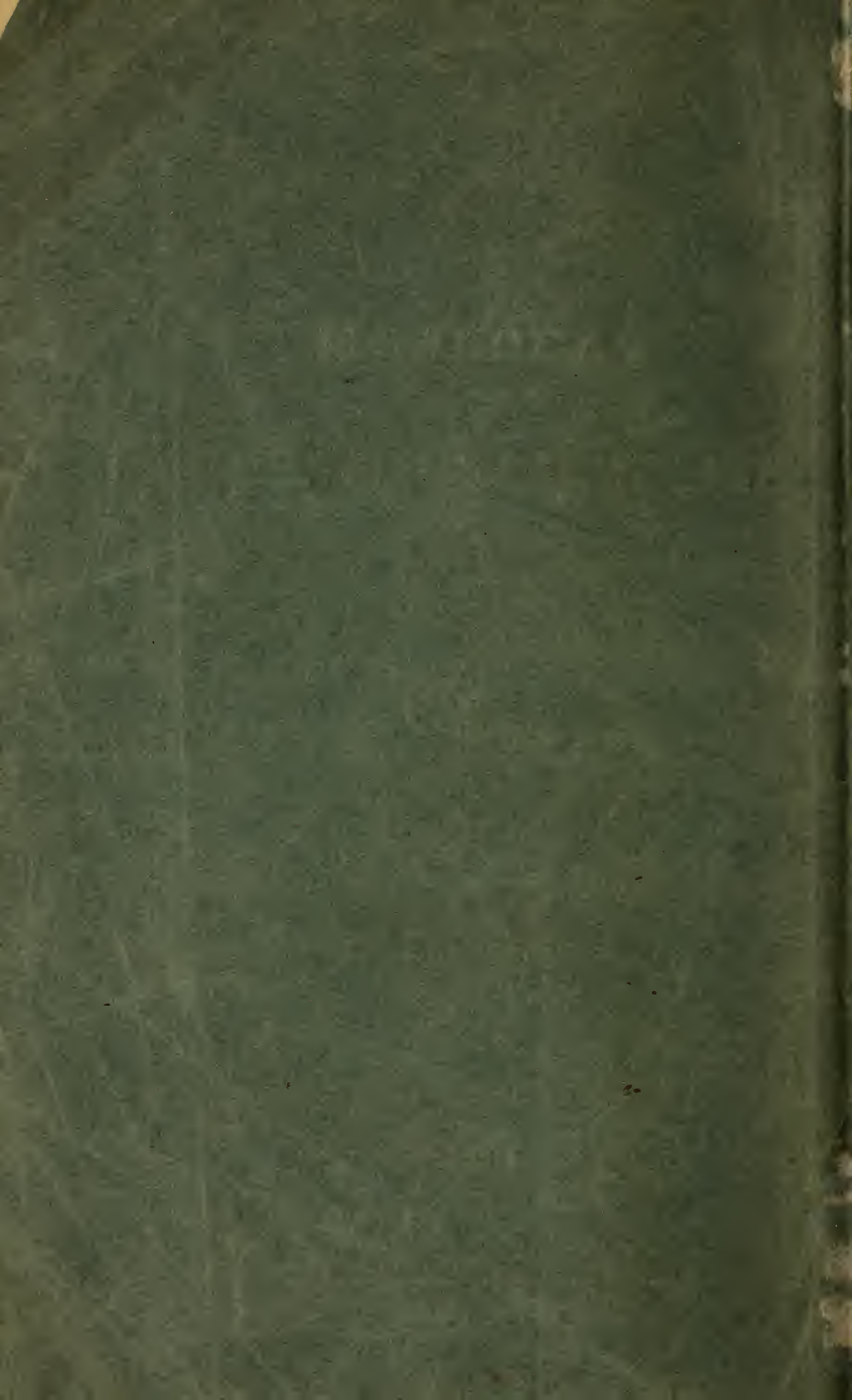
РАЗСКАЗЫ
ЛУЖНИЦКАГО СТАРЦА.

1828.

РАЗСКАЗЫ
ЛУЖНИЦКАГО СТАРЦА.

Печатать позволяется съ представленіемъ семи экземпляровъ въ Цензурный Комитетъ для Казенныхъ мѣстъ. Москва, 1827 года, Ноября 4 дня. Книгу сію разсматривалъ въ должности Предсѣдателя Цензоръ *Сергѣй Аксаковъ.*

[Iakovlev, Pavel Luk'ianovich]

РАЗСКАЗЫ

Razskazy luzhnitskago startsa

ЛУЖНИЦКАГО СТАРЦА,

и

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ О НЕМЪ.

МОСКВА.
Въ Типографіи С. Селивановскаго.
1828.

РАЗСКАЗЫ

ЛУЖНИЦКАГО СТАРЦА

И МОИ ВОСПОМИНАНІЯ О НЕМЪ.

Кто не восхищался и не восхищается окрестностями московскими? Развѣ тотъ, кто не бывалъ въ древней столицѣ нашей, или былъ тамъ въ глубокую зиму, когда чувствительное сердце бьется изъ-подъ медвѣжьей шубы, и алмазныя слезы въ ледяныя превращаются? Но, Москвичи! кто изъ васъ не знаетъ *Воробьевыхъ горъ, Симонова монастыря, Марьиной рощи?* .. Къ несчастію, къ несчастію чувствительныхъ авторовъ, вы ихъ знаете. . . . и куда ни забредетъ меланхоликъ безъ плана и цѣли, вездѣ воспоминанія, вездѣ наслажденіе для *памяти сердца!* Напрасно молодые авторы будутъ искать около Москвы

какого нибудь мѣстечька для поселенія любовниковъ, старушекъ, пустынниковъ. . . Все уже занято! Все уже занято! Лизы, Тани, Кати, Маши, съ своими семействами и знакомцами, отмежевали себѣ поля, горы, лѣса, долины, и уже нѣкуда водить читателей.

Такъ думалъ я, прогуливаясь по *Дѣвичьему полю, когда вечерніе лучи солнца бросали послѣдній блескъ* на златые верьхи башень и церквей московскихъ! Не знаю, отъ чего я воображалъ тогда, что могу написать *прелестный романъ*, о двухъ несчастныхъ любовникахъ, которые *съ перваго взгляда* почувствовали страстную любовь. — Она закраснѣлась, онъ — не сводилъ съ нее глазъ; она пошла домой, онъ — проводилъ ее до калитки; она махнула ему платкомъ, онъ — упалъ на колѣни, и прочее, и прочее, подобное. И такъ я вообра-

жалъ, что напишу прелестный *романъ*; и первое, потому что выслушалъ полный курсъ словесности, исторіи, археологіи; второе, *потому*, что нахожу въ себѣ всѣ потребности чувствительнаго автора, то есть: люблю ходить пѣшкомъ, и сидѣть въ задумчивости, когда бываю одинъ. . . . О планѣ романа я не заботился, меня мучило *поселеніе* моихъ любовниковъ. . . . Воробьевы горы — заняты; окрестности Симонова монастыря — заняты; Марьина роща — занята! — Вообразите! самыя лучшія мѣста! . . . Извѣстный стихъ самъ собою представился *памяти* моего *разсудка*.

О боги! для чего такъ поздо я родился!..!

Къ чести своей скажу, что никогда, ни одинъ чувствительный авторъ не прогуливался такъ печально, какъ я, въ этотъ вечеръ! Я шелъ, повѣся голову, и не прельщался ни *вечерними*

лучами заходящаго солнца, ни щебетаньемъ ласточекъ, порхавшихъ надъ свѣтлою Москвой рѣкой, ни картиной столицы, *которая какъ бы въ сѣдомъ туманѣ волновалась. . .*

Унылый звукъ колокола въ *Дѣвичьемъ* монастырѣ, *пробудилъ меня,* и я скорыми шагами (самъ не знаю отъ чего) вступилъ въ обитель святыхъ отшельницъ. Долго бродилъ я мимо уединенныхъ келій, и чрезвычайно жалѣлъ о томъ. . . что онѣ не пусты! Посудите о жалкомъ состояніи автора! Какую картину написалъ бы *я,* еслибъ на примѣръ — етотъ монастырь былъ въ развалинахъ. . . Ето кладбище, етотъ длинный рядъ келій— дали бы мнѣ такую богатую матерію для разсужденій (философскихъ и сантиментальныхъ), что я написалъ бы... по крайней мѣрѣ страницъ пятдесятъ для *Соревнователя!* Но теперь? Что сказать о монастырѣ? Въ пылу моего авторскаго негодованія, я вышелъ изъ

обители — и очутился въ *Лужникахъ.* Прелестное мѣсто, думалъ я — какъ жаль, что оно уже описано! Я сѣлъ подъ тѣнію *столѣтняго* дуба (или вяза, не замѣтилъ) и смотря на прелестный видъ, началъ *упражнять свое воображеніе*, мечтать, и по временамъ вздыхать, что необходимо для чувствительнаго автора. Всѣ мои мечты кончались тѣмъ, что я повторялъ:

О боги! для чего такъ поздо я родился!

Послѣ чего опять начиналъ *упражнять свое воображеніе:* мечтать и вздыхать (что непремѣнно нужно чувствительному автору). . . Вдругъ слышу Латинскія слова: O vanas mentes hominum! o pectora caeca! *поднимаю голову*, и вижу передъ собою. . . привидѣніе — или мужчину лѣтъ шестидесяти; желтаго, съ густыми бровями, въ тепломъ картузѣ, въ медвѣжьихъ сапогахъ, и съ бронзовой медалью въ

петлицѣ сѣраго фрака! «Добрый вечеръ!» сказалъ онъ мнѣ. — Какой прелестный вечеръ! отвѣчалъ я — и *вотъ* мы познакомились! Слово за слово, и я узнаю, что онъ живетъ въ *Лужникахъ*, нигдѣ не служитъ, и любитъ прогуливаться; а онъ узнаетъ, что я студентъ съ *сердцемъ, которое имѣетъ тоны, и память*, и прочія принадлежности чувствительнаго автора. Между тѣмъ, мы шли вдоль по дорогѣ; *вечерній сумракъ мѣшался со тьмою и крылатый зефиръ навѣвалъ свѣжесть и прохладу въ грудь мою.*

Я забылъ свое горе и занялся новымъ знакомствомъ съ привидѣніемъ въ сѣромъ фракѣ. Подошедъ къ маленькому домику, привидѣніе остановилось. . . . — «Вотъ мой домъ! сказало оно; не угодно ли посѣтить меня?» — Я отвѣчалъ самымъ почтительнымъ наклоненіемъ головы; онъ позвонилъ въ колокольчикъ и калит-

ка отворилась. Пять огромныхъ собакъ бросились къ намъ на встрѣчу, и увидя меня, подняли страшный лай; но мой новой знакомецъ закричалъ на нихъ что-то по гречески, собаки разбѣжались и мы вошли въ домикъ. Первый шагъ въ комнаты вселилъ въ меня совершенное почтеніе къ хозяину, потому что я увидѣлъ множество книгъ, разбросаныхъ по столамъ, стульямъ и угламъ; кучи бумагъ, свертки паргаменовъ. . .

„ Милости прошу, сказалъ хозяинъ: милости прошу! отдохните! „ Я сѣлъ на софу, а онъ вслѣдъ за приглашеніемъ подошелъ къ письменному столу, и началъ рыться въ бумагахъ. Все показывало, что онъ литтераторъ, а потому я началъ приготовлять въ мысляхъ маленькой разговоръ о нашей словесности; но онъ, казалось, совсемъ забылъ обо мнѣ и совершенно занялся книгами; бралъ одну за другою, сдувалъ пыль съ огромныхъ фоліан-

шовъ, выдвигалъ ящики, гдѣ лежали гнилые сверпки паргамену съ свинцовыми печапями, и не думалъ о госшѣ, копораго пригласилъ шакъ ласково ошдохнуть на софѣ. Я громко чихнулъ и закашлялъ. Онъ обороптился ко мнѣ и со всемъ удивленіемъ спросилъ: „вы еще здѣсь? Вообразите! Мнѣ понадобилось отыскать одну книжку. Извините!" — Я всталъ и поклонился ему. — Если позволите навѣстить васъ въ другое время, сказалъ я. — „О! милости прошу, когда вамъ угодно! я всегда дома! простите! простите!" — Онъ пожалъ мою руку и безпрестанно твердилъ; „простите! простите!" Я уже былъ за воротами, а *простите* все еще отзывалось въ ушахъ моихъ.

Кроткая подруга ночи, тихая луна, палевымъ мерцаніемъ освѣщала

мой путь. Какъ не предаться мечтамъ о всемъ возможномъ и невозможномъ, странствуя *подъ кровомъ ночи, когда усыпленная природа и священная тишина располагаютъ сердце къ духовнымъ наслажденіямъ, а душу повергаютъ въ сладкую задумчивость?* Я и задумался, шагая по *Дѣвичьему полю,* и такъ задумался, что не примѣтилъ бревенъ, лежавшихъ подлѣ ситцовой фабрики, и довольно *трогательно* упалъ, потому что разшибъ себѣ лобъ. Всѣ мечты улетѣли съ паденіемъ: исчезло духовное наслажденіе сердца, и сладкая задумчивость души. — Я сталъ разсуждать поближе къ своей человѣческой натурѣ , и первая мысль, когда *я* опамятовался , была : кто этотъ чудакъ , съ которымъ я познакомился? . . . Забавно! думалъ я *про себя.* Забавно! познакомиться съ человѣкомъ, быть у него въ домѣ, и—не знать, кто онъ? Но ошибку еще

можно поправить. Въ слѣдующую же середу, пойду къ нему и все узнаю, и кто онъ, и что онъ дѣлаетъ въ семъ мірѣ? Рѣшивъ такимъ образомъ, я продолжалъ *нить своихъ размышленій* до самой *Пречистенки*, на которой живу. Тутъ новая мысль *мелькнула передо мною;* мысль, которая развеселила меня *вслухъ*; то есть, я запѣлъ пѣсню и припрыгивая, вбѣжалъ въ свою комнату. Чтожъ обрадовало меня? Чтожъ заставило развеселиться вслухъ и прыгать? Выслушайте.... души чувствительныя! — Вы помните, что я горевалъ, сидя подъ дубомъ или вязомъ? горевалъ отъ того, что не зналъ, гдѣ поселить тѣхъ нѣжныхъ любовниковъ , о которыхъ хотѣлъ писать? Помните ли? Если забыли , что очень простительно, то — перечтите первую главу моего чувствительнаго романа. — Я сталъ веселъ отъ того, что горе мое прошло; а горе мое прошло отъ того, что я

выдумалъ *прелестный планъ* для повѣсти, которою *потрясу всѣ струны сердецъ вашихъ!*

Я думалъ такъ: мой новый знакомецъ, котораго я называю привидѣніемъ, чудакомъ, литтераторомъ, и который ходитъ въ теплыхъ сапогахъ лѣтомъ, и имѣетъ право носить бронзовую медаль на владимірской лентѣ;—етотъ знакомецъ, долженъ быть совершенный феноменъ въ окрестностяхъ нашей столицы; надобно познакомиться съ нимъ покороче; узнать, почему онъ живетъ такъ уединенно, почему носитъ теплые сапоги лѣтомъ; узнавъ ето — узнать его приключенія — и потомъ — написать романъ подъ названіемъ. . . но названіе ничего не значитъ! Написавъ романъ, напечатать его. . . Безподобно! прелестно! Я заставлю гулять по *Лужникамъ* всю чувствительную публику Московской столицы. . . Моя

повѣсть будетъ такъ *интересна*, такъ трогательна, что *Лужники* сдѣлаютси сходбищемъ всѣхъ меланхоликовъ; не останется кругомъ ни одной березы, ни одного дуба, ни одной сосны, на которыхъ бы не вырѣзаны были стишки Кн. Шаликова, Ив. Писарева, Нечаева. . . . Прелестное будущее! Какъ ты приятно для авторскаго самолюбія! Но планъ моего романа? Право, я самъ не знаю, что буду писать, но лишь бы чудакъ разсказалъ мнѣ свои приключенія, я ужь напишу, напишу. . . *Упоенъ сладкими мечтами* о славѣ меня ожидающей, о меланхоликахъ бродящихъ по *Лужникамъ* съ книжкою, и пучкомъ ландышей въ рукахъ, я заснулъ. . . .

Наконецъ пришла *съ нетерпѣніемъ любовника* ожидаемая середа! *Едва Аврора розовыми перстами нарумя-*

нила небо, *и Феббъ*, *въ свѣтозарной колесницѣ освѣтилъ его*. . . . едва стукъ телегъ, ѣдущихъ на рынокъ, потрясъ *фибры моего слуха;* едва я открылъ глаза, и уже мысленно гулялъ въ *Лужникахъ* и бесѣдовалъ съ чудакомъ, который носитъ зимніе сапоги лѣтомъ. Одѣваюсь. . . . беру свой *страннический посохъ*, и иду — съ планомъ и цѣлію, прямо къ Дѣвичьему монастырю, куда устремились и *мысленные и немысленные* взоры мои. Бѣгу — лечу, и останавливаюсь у калитки дома моего чудака; звоню въ колокольчикъ. . . . слышу лай тѣхъ собакъ, которыя напугали меня въ первый разъ; калитка отворяется, я на крыльцѣ — я въ комнатѣ. Мой знакомецъ встрѣчаетъ меня веселою улыбкою и ласковымъ: *здравствуйте!*... — Для начала разговора, изъясняю ему свою страсть къ прогулкамъ въ приятное лѣтнее время, когда природа какъ нѣжная мать, или. . .

(Не помню великолѣпнаго начала моей рѣчи, и какъ вдругъ послѣ прелестныхъ видовъ, утренняго воздуха, бархатныхъ луговъ, синей рощи, я заговорилъ о литтературѣ.) Мой знакомецъ наморщился, хотѣлъ что-то сказать; но вошла старуха съ подносомъ, на которомъ стояли кофейникъ, молочникъ и чашки. „Милости прошу!„ сказалъ хозяинъ, подвигая ко мнѣ столикъ. „ Вы вѣрно любите кофе — и мы вмѣстѣ напьемся! . . „Онъ началъ разливать кофе. . . любовался его цвѣтомъ. . . и взявъ молочникъ, сказалъ: „я васъ попотчую такими сливками, какихъ нельзя найти въ городѣ!... Посмотрите! какаа густота! Ето *палевыя сливки! Палевыя сливки!* Точно! Палевыя! Жонкилевыя!„ И мы начали съ обѣихъ сторонъ хвалить кофе и сливки, и пить кофе со сливками! . . . Старуха явилась — унесла кофе и палевыя сливки, и мы опять остались одни. Хозяинъ

мой сидѣлъ, повѣся голову; я приготовлялъ въ мысляхъ начало разговора; откашлялся, принудилъ себя улыбнуться, и сказалъ самымъ *нѣжнымъ голосомъ:* „благодарю судьбу за знакомство съ вами! но браню себя...“ — За что? спросилъ онъ. — „За свою вѣтренность. Вижу въ васъ любезнаго, милаго, ученаго человѣка; бываю у васъ — и не знаю, кто вы? . . .“ — Я жертва несчастія! безвинный страдалецъ! отвѣчалъ мой чудакъ. . . . Фамилія моя: *Лужниковъ,* живу въ отставкѣ, и провожу время съ книгами и двумя добрыми пріятелями! Вы вѣрно читаете журналы—и знаете *Лужницкаго старца?* — „Лужницкаго старца?“ вскричалъ я. — Да, продолжалъ мой Лужниковъ, Лужницкаго старца, который, Богъ знаетъ, что пишетъ для своего удовольствія и для моего горя. . . Я также старъ, живу въ Лужникахъ, и меня считаютъ именно за того старца, который,

какъ самъ говоритъ, на 60 году сдѣлался авторомъ вопреки судьбѣ, и наставленіямъ *отца Сильверста, любомудраго юности его наставника!* Онъ назвался Лужницкимъ старцемъ, и всѣ бросились ко мнѣ. . . . кто съ упреками, кто съ жалобами, кто съ угрозами!.... Вотъ какъ легко однимъ махомъ пера зачернить доброе имя и сдѣлать самое жестокое неудовольствіе невинному человѣку! . . . Прежде я жилъ спокойно и благословлялъ провидѣніе, пославшее мнѣ въ удѣлъ умѣренныя желанія, маленькое состояніе и охоту къ ученію. . . Явился какой-то писака, назвался Лужницкимъ старцемъ, и я погибаю! О молодой человѣкъ! берегись посягнуть на доброе имя! — Онъ замолчалъ, а я внутренно досадовалъ, почему послѣ такого наставленія, двѣ *двѣ крупныя слезы не выкатились изъ глазъ его и не оросили блѣдныхъ его ланитъ?* Но я вѣрный повѣствователь и не хочу лгать;

мой Лужниковъ просто замолчалъ, и ни одной слезинкой не скрасилъ своей рѣчи.

Хотя мнѣ и очень нравилась его физіогномія, печальная, желтая, осѣненная густыми черными бровями; но движимый любопытствомъ, я прервалъ молчаніе и спросилъ: «Кто же етотъ Лужницкій старецъ, такъ много надѣлавшій вамъ хлопотъ?» — Не знаю, отвѣчалъ Лужниковъ, не знаю! Я думалъ, что поселившись здѣсь, найду совершенное счастіе; вышло напротивъ! Homo proponit, Deus disponit! Вы не повѣрите — двѣ или три недѣли безвыходно толпились у меня любопытные, и смотрѣли на меня, какъ на Индѣйца, глотающаго шпагу; я принужденъ былъ запереть ворота, завести лихихъ собакъ, чтобъ хоть етимъ избавиться отъ посѣтителей, которые осаждали меня съ утра до ночи, по милости Лужницкаго старца! — Не знаю, что хотѣлъ я отвѣ-

чать ему, когда звукъ колокольчика раздался на дворѣ, и лай собакъ возвѣстилъ приходъ незнакомаго. „Посмотри, Акулина, кто тамъ?" закричалъ Лужниковъ, и Акулина со всею поспѣшностію побѣжала отпирать калитку. Мы подошли къ окну и смотрѣли на ворота... Показываеіся молодой человѣкъ, высокой, худощавый, въ зеленомъ фракѣ и съ узломъ въ рукахъ. . . „Дома хозяинъ?" — спрашиваетъ онъ. — Дома, отвѣчаетъ Акулина, и скелетъ двумя шагами измѣривъ дворъ, очутился передъ нами... Увидя насъ двухъ, онъ изумился, и глядя, то на Лужникова, то на меня, спросилъ: „мнѣ надобенъ хозяинъ?..." Только что хотѣлъ я указать на Лужникова, тотъ схватилъ шляпу, кивнулъ головой, и вышелъ, сказавъ мнѣ: „прощай, старикъ! кланяйся Аристарху Ивановичу!" Я остолбенѣлъ, а скелетъ устремивъ на меня проницательные взоры, началъ: „позвольте

поговорить съ вами откровенно... Я литтераторъ, пишу стихи, извѣстенъ въ ученомъ свѣтѣ, и не давно вышелъ изъ школы, гдѣ за отличное прилѣжаніе и геній, то есть *терпѣніе* въ высочайшей степени — награжденъ медалью. Фамилія моя *Трепетовъ.* Сказавъ ето, онъ сѣлъ; а я осматриваясь кругомъ, и протирая глаза, думалъ, что все ето вижу во снѣ... Но скелетъ опять заговорилъ. — »Я сказалъ, что хочу объясниться съ вами откровенно... и притомъ защитить себя... Вамъ не угодно было признать правильными мои замѣчанія о руской литтературѣ? Вы сдѣлали мнѣ жестокую обиду и еще жесточе смѣетесь надо мною въ вашихъ запискахъ... Но, милостивый государь!... я вамъ предсказываю, что если вы не уйметесь и не признаете меня классическимъ авторомъ, то я буду писать противъ васъ во всѣхъ французскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ журналахъ и

докажу вамъ, что я Трепетовъ..." Онъ остановился — (вправду не льзя было и не остановиться, потому что онъ закашлялся), а я бросился изъ комнаты и перепрыгнувъ черезъ задній заборъ, побѣжалъ къ Воробьевымъ горамъ, не оглядываясь, и вообряжая, что страшный скелетъ, грозный Трепетовъ гонится за мною, и хочетъ меня невиннаго изъ невиннѣйшихъ авторовъ съѣсть живаго... Къ счастію вижу у берега лодку и переѣзжаю на ту сторону рѣки все еще въ волненіи отъ кофе съ палевыми сливками и скелета съ узломъ, всхожу на гору и бросаюсь на траву, не понимая, что сдѣлалось со мною!...

Долго сидѣлъ я какъ истуканъ, или какъ слушатель профессорскихъ лекцій; но всему есть чреда... я осмотрѣлся — увидѣлъ, что сижу на горѣ,

у подошвы которой струится Москва рѣка; далѣе Лужники, и Дѣвичій монастырь. . . Какъ я сюда зашелъ? Что было со мною? такъ началъ я думать: я пришелъ къ г. Лужникову; мы пили съ нимъ кофе съ палевыми сливками, разсуждали о Лужницкомъ старцѣ... Зачемъ онъ убѣжалъ, когда явился молодой человѣкъ? — Зачѣмъ? зачѣмъ? зачѣмъ? . . Что говорилъ мнѣ грозный скелетъ? Не помню! не понимаю! Его сочиненія. . . его медали... Боже мой! Что все ето значитъ? Я всталъ, вошелъ въ палатку и выпилъ стаканъ воды, которая освѣжила мою натуру физическую и нравственную. Любопытство знать, что дѣлается въ домѣ моего знакомца, пересилило страхъ встрѣтиться съ Трепетовымъ, и я спустился съ горы и переѣхалъ въ Лужники. Съ робостію подхожу къ домику и вижу Лужникова, который встрѣчаетъ меня съ громкимъ смѣхомъ. — »Ради Бога, сказалъ

я, растолкуйте мнѣ, кто етотъ страшный молодой человѣкъ? Чего онъ хотѣлъ отъ меня? Зачѣмъ вы скрылись? Что значатъ слова: *старикъ, кланяйся Аристарху Ивановичу?*» — Войдемъ въ комнату, отвѣчалъ Лужниковъ, продолжая смѣяться, я все разскажу тебѣ. — Слѣдуя за нимъ, я не переставалъ оглядываться, и съ робостію вошелъ въ кабинетъ. — Не бойтесь! сказалъ Лужниковъ, его уже нѣтъ! — «Но кто онъ?» — Садитесь. Я вамъ говорилъ уже, что записки Лужницкаго старца надѣлали мнѣ тысячу неудовольствій; давича, при васъ, явился молодой человѣкъ вѣрно недовольный тѣми записками; едва онъ спросилъ обо мнѣ, я догадался тотчасъ, что дѣло идетъ о старцѣ. Чтобъ позабавиться, я назвалъ васъ хозяиномъ и велѣлъ кланяться Аристарху Ивановичу, о которомъ часто пишетъ Лужницкій старецъ; вотъ отъ чего мо-

лодой человѣкъ принялъ васъ за етаго чудака. Но разскажите, что онъ вамъ говорилъ, и какъ вы умѣли отъ него отдѣла́ться? — Я разсказалъ ему свое положеніе во время слушанія диссертаціи, прерваной кашлемъ и моимъ бѣгствомъ на Воробьевы горы. — »Видите ли, продолжалъ Лужниковъ, что надѣлалъ со мною сочинитель, назвавшійся Лужницкимъ старцемъ? — Сначала я забавлялся надъ его искателями и со смѣхомъ увѣрялъ ихъ, что я не тотъ старикъ, котораго они ищутъ; мнѣ не вѣрили и я долженъ былъ слушать и угрозы и жалобы и проклятія.«

Раздался звукъ колокольчика — и мы вздрогнули. — Старая Акулина побѣжала къ воротамъ; новое явленіе!...

Старикъ лѣтъ семидесяти, маленькой, сухой, въ бѣлой казимировой ши-

нелѣ и въ зеленомъ сафьянномъ картузѣ, спрашиваетъ: *дома ли хозяинъ?* и медленными шагами приближается къ крыльцу. — „Опять искатель Лужницкаго старца, сказалъ Лужниковъ; что мнѣ дѣлать? Послушаемъ, что скажетъ эта мумія!" И мумія входитъ. . . Въ молчаніи снимаетъ съ себя бѣлую шинель и представляется намъ въ черномъ фракѣ, въ черныхъ чулкахъ и башмакахъ. — „Здравствуйте, господинъ старецъ, сказала мумія тоненькимъ голосомъ, оборотясь къ Лужникову; что подѣлываете?" — Вы конечно желаете видѣть Лужницкаго старца? сказалъ хозяинъ. — „Точно отвѣчалъ старичекъ." — Если такъ, то могу васъ увѣрить, что его здѣсь нѣтъ. — „Какъ? вскричалъ старичекъ... Вы?" — Я живу въ Лужникахъ, это правда, прервалъ хозяинъ; но ничего не сочиняю, а еще менѣе печатаю, и не знаю, кому угодно было на мое горе,

назваться Лужницкимъ старцемъ! Не вы первые отъискивая етаго проказника, являетесь ко мнѣ, и признаюсь, я имѣлъ много неудовольствій и огорченій, увѣряя господъ посѣтителей, что они ошибаются! — И маленькой старичекъ захохоталъ. . . »Извините! я тоже пріѣхалъ поговорить съ етимъ насмѣшникомъ. . . Онъ и меня задѣлъ — совсемъ безвиннаго. . . Я *Остоженскій*...» Говоря ето, старичекъ кряхтѣлъ, надѣвая свою шинель: сказалъ еще нѣсколько разъ: *извините*, и побрелъ... Калитка хлопнула, и мы опять остались одни.

»Хотя и смирно кончилось съ етимъ, сказалъ Лужниковъ — но все неприятно видѣть у себя незнакомыхъ людей, которые съ перваго слова начинаютъ или браниться, или насмѣхаться...» Говоря ето, онъ ходилъ по комнатѣ и поправлялъ бронзовую медаль, которая висѣла на лентѣ, продѣтой въ три петли. — »Я думаю,

продолжалъ онъ, оставить эту квартиру.»— Отъ чего же? — «Отъ поисковъ и посѣтителей Лужницкаго старца!» — Но они утихнутъ, его забудутъ, а гдѣ найдете вы такое приятное уединенiе?— «И то правда, но неприятно, очень неприятно страдать за чужiе грѣхи. . . Я мучаюсь, а онъ, можетъ быть, въ сiю минуту спокойно чинитъ перышко въ своемъ кабинетѣ, или читаетъ корректуру своихъ замысловатыхъ записокъ! — О! какъ не во время вздумалъ писать этотъ шестидесятилѣтнiй воспитаникъ отца Сильверста!» Но чтобъ не дождаться еще новаго посѣтителя, пойдемъ на Воробьевы горы, полюбуемся видами, походимъ и возвратимся къ обѣду. . . пойдемъ! . . .

Чувствительныя души! Знаете ли, что такое *симпатiя*? Испытали ль вы, это неизъяснимое влеченiе къ дру-

гому существу, которое *гармонирует* съ вами?... И я испыталъ ето влеченіе; и я узналъ симпатію!... Настоящій Лужницкій старецъ, такъ мнѣ понравился, что я рѣшился переселиться въ его домикъ; онъ скучалъ одиночествомъ, а я нигдѣ не служилъ и радовался находкѣ такого товарища. — Завязавъ въ узелъ все свое имѣніе, расплатившись съ хозяиномъ, я пошелъ въ Лужники.

Старецъ (такъ буду называть его съ етой поры) отвелъ мнѣ комнатку окнами на лугъ; далъ мнѣ письменный столикъ , два стула, десть бумаги, десятокъ перьевъ, и право: пользоваться его библіотекой; за все ето требовалъ, чтобъ я всегда вмѣстѣ съ нимъ пилъ кофе съ *палевыми* сливками, обѣдалъ, и пилъ *ароматный* чай.

О какіе райскіе дни провелъ я въ уединеніи Лужницкаго старца! Спокоенъ — воленъ — доволенъ — всегда веселъ — слѣдственно я былъ счаст-

ливъ. — Но чтобъ покороче познакомить васъ, съ собою и моимъ старцемъ — съ етихъ поръ вы будете читать мой журналъ. . . Я любилъ, лежа въ постелѣ, записывать то, что видѣлъ и слышалъ въ продолженіи дня. Съ какимъ удовольствіемъ просматриваю теперь свои записки! Онѣ напоминаютъ мнѣ, дни моего блаженства, когда я не зналъ еще ни страстей, ни людей, и жилъ для себя.

Мой журналъ.

30 Іюля.

Я переселился сего дня къ Лужникову: добрый человѣкъ отвелъ мнѣ маленькую комнатку, изъ оконъ которой открывается *чистый лугъ* и Воробьевы горы. — Вчера онъ посвятилъ меня въ свои домашніе, то есть, показалъ мнѣ всѣ комнаты своего домика, свой огородъ, библіотеку, погреба и рукописи. . . Все прекрасно! я

сказалъ. . . Домъ его не великъ, но расположенiе комнатъ такъ хорошо — комнатъ не много, но онѣ убраны съ такимъ вкусомъ, съ такимъ приличiемъ, что уединенiе Лужницкаго старца прельстило бы самаго Руссо.

1 Августа.

Нынѣшнiй день я почти не видалъ старца, потому что все прогуливался; былъ на Воробьевыхъ горахъ и въ *Нескучномъ* саду; не думаю, чтобъ гдѣ либо можно найти окрестности лучше Московскихъ! *Всякому свое!* говорили Римляне; *всякая лисица свой хвостъ хвалитъ,* говорятъ Рускiе. . . пусть такъ! Я возвратился въ свою келью вечеромъ: не могъ гулять далѣе, потому что собрались тучи, зашумѣлъ вѣтеръ, сыръ боръ расколыхался, и всякое существо, разумное и неразумное искало прiюту отъ дождя. Застаю старца въ весьма странномъ положенiи. Посреди комнаты

лежалъ большой листъ желѣза, а на немъ нѣсколько дестей бумаги: старецъ, одною рукою держа кочергу, другою поджигалъ бумагу. — Что вы дѣлаете? сказалъ я, входя въ комнату. — ,,Инквизиторствую!" отвѣчалъ онъ, оставя свою работу и обратясь ко мнѣ. — Что вы жжете? — ,,Бѣлую бумагу!" — Умилосердитесь! она и безъ огня страдаетъ ежеминутно подъ перьями регистраторовъ, журналистовъ, и сочинителей! — Старецъ, не отвѣчая мнѣ, опять принялся за свою работу — и бумага запылала! Полюбовавшись на свѣтлый ея пламень, старецъ положилъ кочергу на стулъ, и сѣлъ противъ своего костра.— ,,Ета бѣлая бумага, сказалъ онъ, приготовлялась на мое сочиненіе о безполезности буквы Э; лѣтъ десять сбирался я написать его — безпрестанно думалъ объ исполненіи своего намѣренія; но покуда продолжались мои сборы, другой ясно и не-

оспоримо доказалъ всѣмъ и каждому, кому сіе вѣдать надлежитъ, что буква э негоднѣе самаго *ера*. Вижу, что у насъ есть еще люди, которые заглядываютъ въ азбуку и радуюсь!« Огонь пылалъ. . . Да торжествуетъ правое дѣло и здравый разсудокъ! — продолжалъ старецъ, любуясь на пламя; тебя уже нѣтъ ненавистное э! Какое облегченіе для наборщиковъ, учителей и учениковъ!...« Старецъ умолкъ, пламя потухло... Догадливая старушка Акулина, надѣвъ зимнія перчатки, со всемъ почтеніемъ вынесла и листъ и *сѣдой пепелъ сѣрой бумаги!* . . .

— Все ето прекрасно, сказалъ я; но за чѣмъ жечь бумагу, которая годилась бы для другаго употребленія? — »Причины къ тому слишкомъ побудительны. Глядя на ету бумагу, я терялъ аппетитъ и задумывался; а отъ частаго невареніа желудка и задумчивости, желчь разлилась по лицу

моему и всему тѣлу; а какъ я долженъ былъ сидѣть дома мѣсяца три безвыходно, то сдѣлался чрезвычайно скученъ и мраченъ; чтобъ избавиться скуки, я сталъ веселить сердце, то есть опорожнять бутылки четыре въ день; ето удовольствіе возрастало и когда уже слишкомъ выросло и нѣкуда ему было рости, оно упало на дно, то есть въ ноги; а какъ ноги не чувствуютъ удовольствія отъ вина, то они заболѣли, и я догадался, что меня посѣтила подагра. . . Вотъ отъ чего я желтъ, и отъ чего ношу зимніе сапоги лѣтомъ. Ты видишь, что всему причиною бумага, которая лежала на письменномъ столикѣ. . . Слава и благодареніе Богу! теперь не буду чувствовать *ни давленія въ груди, ни скуки нестерпимой*, когда сяду подъ окномъ, или передъ письменнымъ столикомъ! Къ тому же етой бумаги достало бы и на разсужденіе мое, о правильномъ и надлежа-

щемъ употребленіи буквъ *І* и *Щ*. Слава Богу! сгорѣла бумага, а съ нею и мои прекрасныя разсужденія!„

Старецъ вздохнулъ — я вздохнулъ — и тѣмъ кончилась наша бесѣда. Черезъ нѣсколько минутъ онъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ, а я, *сидя, пробѣгалъ въ мысляхъ* несчастія старца отъ сѣрой бумаги. „Вотъ ето лучше!„ вскричалъ старецъ, продолжая ходить — „ето пріятнѣе! Послушай! Мнѣ пришло въ голову сочиненіе новаго рода.„ — Берегитесь! отвѣчалъ я, опять потеряете аппетитъ и станете задумываться! — „О нѣтъ! выслушай. . . Мы безпрестанно слышимъ и читаемъ объ чудакахъ Англичанахъ; газеты и журналы наполнены описаніемъ ихъ проказъ; почему до сихъ поръ никто изъ насъ Рускихъ не вздумалъ описать глупости и странности своихъ родныхъ чудаковъ? Я живу давно на свѣтѣ, и скажу, что земля Руская изо-

билуетъ ими не менѣе Англіи ; я зналъ, и знаю такихъ молодцовъ, такихъ оригиналовъ, которое стоютъ всемірной славы!... Видишь ли? Я хочу на досугѣ описать нѣкоторыхъ изъ нихъ; не правда ли, что такой трудъ и не тягостенъ, и пріятенъ и забавенъ! Завтра приду къ тебѣ въ комнату, поговоримъ о планѣ для моихъ біографій, а тебя попрошу нарисовать нѣсколько каррикатуръ , которыя украсятъ книгу. Какъ тебѣ нравятся мои мысли?« — Я въ восхищеніи отъ вашего намѣренія ; но что вы сдѣлаете съ вашей книгой, когда напишите ее, и украсите каррикатурами?— »Я ее напечатаю, и самымъ великолѣпнымъ образомъ!« — А цензура?— »Что цензура?« — Не позволитъ ее напечатать ! — »Да тутъ ничего не будетъ противнаго религіи, правительству ! « — А личность ? многіе узнаютъ себя. . . — »Тѣмъ лучше! Это докажетъ, что я вѣрный

біографъ, а ты искусный рисовальщикъ. Къ тому же, я буду описывать не такъ ясно, и не стану говорить: я его видѣлъ тамъ-то, онъ живетъ тамъ-то; впрочемъ ничто не помѣшаетъ сказать, что они уже кончили свое поприще въ семъ мірѣ!... Однако пора спать! Уже двенадцатой часъ! До свиданія! Завтра утромъ за работу!« — Старецъ взялъ со стола свѣчу, и ушелъ въ свою спальню.

2 Августа.

Поутру, старецъ пришелъ ко мнѣ; поговоривъ о погодѣ, мы напились кофе — и когда Акулина вынесла отъ насъ кофейникъ и чашки, старецъ открылъ нашъ конгресъ слѣдующею рѣчью. »Вчерашній разговоръ такъ занялъ мои мысли, что я и во снѣ видѣлъ нашихъ чудаковъ. Они — низкими поклонами благодарили меня за трудъ, принимаемый мною, и хвалили мою любовь ко всему отечественно-

му. Я отвѣчалъ имъ стихами Державина:

> **Мила намъ добра вѣсть о нашей сторонѣ:**
> *Отечества и дымъ намъ сладокъ и пріятенъ.*

И только что я прочелъ сти два стиха, чудаки изчезли въ густомъ облакѣ... и я проснулся.... Слушай же теперь *проспектусъ моей книги:* я раздѣлю ее на главы; каждому чудаку глава; при каждой главѣ каррикатура.... Напечатаю въ типографіи N. N. съ портретомъ его....» — А въ числѣ чудаковъ, спросилъ я, помѣстите ли вы Лужницкаго старца?— «То есть себя?» — Да. — «О! непремѣнно! Я напишу свою біографію, самую подробную....» — И всѣ согласятся, что вы не послѣдній чудакъ царства Рускаго! — «Въ началѣ книги будетъ мой портретъ, а въ концѣ первой главы кррикатура на меня.»— Знаете ли какъ васъ представитъ?—

„Какъ?„—Сидящаго на берегу Москвы рѣки, съ самою плачевною миною, въ вашемъ вседневномъ платьѣ (въ сѣромъ фракѣ, въ очькахъ, въ теплыхъ сапогахъ) съ чашкою кофе, въ который вы наливаете палевыя сливки. Передъ вами высокой костеръ, на которомъ пылаетъ вырѣзаная изъ картона буква Э; кругомъ васъ сѣрая бумага, исписаная блѣдными чернилами. Къ оживленію картины Акулина, раздувающая передникомъ своимъ пламя. Хорошо ли? — „Очень, очень хорошо; нельзя лучше; но прибавь, чтобъ на сѣрой бумагѣ видны были слова: o vanas mentes hominum! o pectora caeca! Ето апоѳегма отца Клима, любомудраго юности моей наставника!... И такъ рисуй! Вотъ перьвая каррикатура. . . . Вторая будетъ. . . графъ Страдалинъ. Ты знаешь его?„ — Видалъ! — „И знаетъ тоже, что онъ боится мухъ и женщинъ?„ —Нѣтъ.— „Да, онъ боится женщинъ и мухъ.

лѣтомъ, въ самой зной, сидитъ въ комнатахъ съ заключеными рамами, и горе мухѣ, осмѣлившейся прожужжать передъ его сіятельствомъ! И горе всей дворнѣ его, начиная отъ швейцара до форрейтора!... Видъ женщины не менѣе ужасенъ графу: тутъ дѣлаются съ нимъ всевозможныя истерики и корчи. Можно его представить. . . въ обморокѣ отъ мухи, которая сидитъ у него на носу, между тѣмъ какъ весь дворовый штатъ его сіятельства въ страшномъ смятеніи, въ ужасѣ, или. . . Но графъ золотое дно для издателей каррикатуръ; и неисчислимы всѣ смѣшные случаи, въ которыхъ можно его представить.

Въ третьихъ: Костропроволкинъ на его красныхъ дрожкахъ, въ коричневомъ сертукѣ. . .

Въ четвертыхъ: Сморчковъ, безъ фрака прогуливающійся по улицамъ...«

Стукъ въ ворота и звонъ коло-

кольчика прервалъ старца. — „Кто тамъ?“ закричалъ онъ. — А вотъ сей часъ схожу! отвѣчаетъ Акулина, и побѣжала къ калиткѣ. — „Кого Богъ принесъ такъ рано?“ — вскричалъ старецъ. — „Не опять ли искатели Лужницкаго старца? Ей Богу меня доведутъ до того, что я напечатаю въ газетахъ объявленіе: что я, старикъ, живущій въ Лужникахъ, совсемъ не тотъ старецъ Лужницкій, который печатаетъ свои записки и воспитывался у отца Сильверста; я живу мирно и не знаюсь ни съ журналистами, ни съ редакторами, и отъ роду не слыхалъ объ отцѣ Сильвестрѣ.“ — Пожалуйте! кричитъ Акулина. — „Сей часъ!“ отвѣчаетъ старецъ и ушелъ отъ меня. Пользуясь его отсутствіемъ, я начертилъ первыя три каррикатуры и оставя ихъ на столѣ, вышелъ не спрашивая о посѣтителѣ старца, погулять, побродить и подышать чистымъ воздухомъ.

Возвращаясь домой, я встрѣтилъ старца: съ веселымъ видомъ подалъ онъ мнѣ руку, сказалъ что-то по латыни и пошелъ вмѣстѣ со мною. . . „Ты не знаешь моей радости, сказалъ онъ: меня уже не будутъ безпокоить искатели Лужницкаго старца; онъ самъ напечаталъ, что живетъ не въ нашей сторонѣ... Слава Богу, и благодареніе старцу!... Только смѣшно и непонятно, зачѣмъ етотъ старецъ, который на 60 году попалъ въ авторы, и посвятилъ дни свои уединенію и собиранію золотыхъ правилъ для своихъ племянниковъ, *почему онъ объявляетъ самъ*, что живетъ въ малыхъ Лужникахъ? Можетъ быть изъ состраданія ко мнѣ? Вообрази: у него есть добрый приятель Аристархъ Ивановичь, и етотъ Аристархъ Ивановичь сказалъ ему, что его отыскиютъ.... А старикъ самъ объявляетъ о себѣ и открываетъ свое жилище. Не понимаю! что подумаетъ о немъ доб-

рый Аристархъ Ивановичь, которому далъ онъ честное слово молчать, и еще благодарилъ за то, что тотъ скрылъ настоящее его мѣстопребываніе...» — Говоря такимъ образомъ, мы подошли къ дому... Снявъ теплую шапку свою, старикъ поблагодарилъ меня за ескизы каррикатуръ. . . . — А ваши біографіи? — «Не начиналъ — да и не начну никогда!» — Почему же? — «Потому, что нѣтъ никакого удовольствія въ описываніи глупостей моихъ земляковъ; пусть другіе прославляютъ ихъ.» — Я изумился такой быстрой перемѣнѣ въ образѣ мыслей старца.... «Что я выиграю, продолжалъ онъ, отъ моихъ біографій? Одни неудовольствія!... Я всегда остерегался и знакомства и обращенія съ дураками, какіе бы они ни были, потому что дуракъ опаснѣе всякаго плута!» — И такъ, изчезло прекрасное изданіе біографій Рускихъ чудаковъ съ портретами автора и типографщи-

ка! . . . —»Однако, продолжалъ старецъ, я прошу тебя нарисовать каррикатуры, которыя ты начертилъ: пусть онѣ хранятся въ моей спальнѣ, въ память моего прожекта!» — Онъ походилъ по комнатѣ, и какъ ему хотѣлось на ту пору говорить, то онъ спросилъ меня: »Да, вѣдь ты не видалъ гостя, который приходилъ ко мнѣ такъ рано? . . . Это былъ мой старинный приятель Онисимъ Тимофѣевичъ; онъ нарочно пришелъ ко мнѣ, чтобъ извѣстить о новой запискѣ Лужницкаго старца, въ которой онъ самъ открываетъ свое жилище . . . Не даромъ говорятъ, что старый другъ лучше новыхъ двухъ. Я люблю Онисима Тимофѣевича, хотя не всегда согласенъ съ нимъ. Его пословица, любимое словцо есть: *все къ лучшему!* и это слово имѣетъ чудесную силу развеселять его, когда скучно, и утѣшать когда грустно! Онъ придетъ сего дня ко мнѣ, ты его увидишь, и

полюбишь! Добрый человѣкъ, но слишкомъ безпеченъ; можетъ быть и судьба виною етой безпечности . . .»
Вечеромъ, часовъ въ 6, пришелъ Онисимъ Тимофѣевичь, человѣкъ лѣтъ сорока, свѣжій, здоровый, обходительный, и мы втроемъ напились *ароматнаго чаю съ палевыми сливками и розовыми сухарями*.. Когда явилась Акулина, чтобъ взять чайный приборъ, бѣдная спотнулась, и упала со всѣми чашками, въ самомъ живописномъ положеніи. Старецъ затопалъ ногами, Онисимъ Тимофѣевичь захохоталъ, а я въ смиренномъ и глубокомъ молчаніи, разсматривалъ картину присудствующихъ. Акулина встала, охая и повторяя: *екой грѣхъ!* Старецъ бормоталъ какія-то Греческія апоѳегмы, Онисимъ Тимофѣевичь продолжалъ смѣяться, и кричалъ: все къ лучшему, старикъ! все къ лучшему! . . . — Убирайся съ своимъ лучшимъ, закричалъ старецъ; кто докажетъ мнѣ, что къ лучшему раз-

билась моя любимая чашка!» — Вѣрь, что къ лучшему! отвѣчалъ Онисимъ Тимофѣевичъ. — «Кто порукою? вскричалъ старецъ!» — Собственный опытъ мой — вся жизнь моя! Я вѣрилъ и вѣрю, что все къ лучшему! кричу, кричалъ и буду кричать, что все къ лучшему! — «Ну такъ разскажи опыты лучшаго.» — Съ удовольствіемъ! Сядемъ! — Старецъ успокоился, и Онисимъ Тимофѣевичъ началъ свою повѣсть . . .

«Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ до старости, повторяю: все къ лучшему, и послѣдствія всегда оправдывали слова мои.

«Въ ребячествѣ, не знавъ етаго драгоцѣннаго правила, я равнодушно переносилъ всѣ неприятности, утѣшаясь мыслію, что все пройдетъ... хладнокровно терпѣлъ побои школьнаго учителя, проказничалъ, не боясь наказанія, и ни о чемъ не заботился —

огражденый правиломъ, что все пройдетъ!... На 19 году я прочелъ Кандида; какое открытіе для моей головы! Мудрый Панглосъ сдѣлался моимъ наставникомъ, геніемъ хранителемъ, и я присоединилъ къ слованъ: все пройдетъ — чудесное изрѣченіе, все къ лучшему!...

Слушая университетскія лекц:и, я захотѣлъ сдѣлать опытъ на поприщѣ словесности и сочинилъ посланіе къ профессорамъ: они были недовольны стихотвореніемъ, и выгнали меня изъ университета; но я равнодушно оставилъ храмъ музъ, вѣря, что все къ лучшему!...

Скитаясь по улицамъ, я встрѣтился съ гусарами, которые набирали въ свой полкъ молодыхъ патріотовъ; я записался, надѣлъ красную куртку, загремѣлъ шпорами и саблею: кто могъ увѣрить меня, что не къ лучшему выгнали меня изъ университета?

Черезъ два мѣсяца, съ отборною шайкою молодыхъ людей, отправили меня въ городокъ Р., гдѣ стоялъ нашъ полкъ. Спокойная жизнь, примѣры, природное побужденіе, — и я сдѣлался, первымъ пьяницею во всемъ полку. Сѣдые гусары дивились моей доблести, и не дерзали равняться со мною въ питьѣ; молодые смотрѣли на меня со всемъ почтеніемъ, должнымъ великимъ талантамъ, и прозвали меня — отчаяннымъ: великое слово на языкѣ гусара! Но похвалы товарищей не понравились ескадронному командиру — еще болѣе шефу, и отчаяннаго велѣли представить его превосходительству. . . — Онъ еще не зналъ меня — но я зналъ его, и подобно другимъ трепеталъ бы одного его имени, еслибъ не вѣрилъ, что все къ лучшему! Поглаживая густые усы, онъ взглянулъ на меня, какъ Буонапарте на англійскія газеты, и сиповатымъ голосомъ сказалъ мнѣ: давно

ли ты въ полку? Третій мѣсяцъ!... Откуда.—Изъ С... Изъ какого званія? Я былъ студентомъ въ тамошнемъ университетѣ!... Студентомъ!... прервалъ онъ, поправляя еполеты — такъ ты умѣешь писать?... въ канцелярію его! ступай! — Я повернулся направо кругомъ и засѣлъ въ канцеляріи. Между тѣмъ какъ товарищи мои тряслись на лошадяхъ, я спокойно сидѣлъ на стулѣ, чинилъ перья, маралъ бумагу и тысячу разъ повторялъ: все къ лучшему!... Я пересталъ пить, шефъ скоро полюбилъ меня, и черезъ годъ, я былъ сдѣланъ корнетомъ!... Все къ лучшему! потому что я блисталъ золотомъ; а товарищи мои всѣ были еще юнкерами! Меня перевели въ другой полкъ, — и молодой корнетъ явился на горизонтѣ большаго свѣта города Т. Блистательный успѣхъ увѣнчалъ мое появленіе... Домъ гна У. сдѣлался моею непремѣнною квартирою: я полюбилъ гна У.

за то, что онъ былъ богатъ, слѣпъ, хорошо обѣдалъ, и имѣлъ прелестнѣйшую дочь... Первая страсть бываетъ самая живѣйшая, говорятъ умные люди — немудрено, что и я смертельно влюбился въ Изабеллу!.. Не знаю самъ, какъ ето хорошо случилось, но я сталъ счастливъ, обладалъ Изабеллою и всѣми доходами старика. Тѣ же умные люди говорятъ, что счастіе непродолжительно, — немудрено, что и мое веселое житье не долго продолжилось: Изабелла вдругъ сдѣлалась равнодушною, холодною; перестала выдавать мнѣ жалованье, и какъ будто совсемъ забыла своего милаго корнета. Ета перемѣна удивила меня; я сталъ доискиваться причины, и даже ощупилъ ее, потому что схватилъ ночью моего ротмистра, когда онъ выходилъ отъ нее. Тогда я не имѣлъ понятія о женщинахъ, — и мнѣ простительно было взбѣситься на первый случай: я вызвалъ ротми-

стра на дуель, отсѣкъ ему половину щеки съ бакенбардою и ухомъ; но не могъ уже оставаться въ полку: всѣ на меня возстали, и еслибъ я продолжалъ горячиться, то былъ бы принужденъ рѣзаться со всемъ полкомъ, начиная съ шефа, до послѣдняго вахмистра... — Меня перевели въ уланы. Я равнодушно оставилъ Т. полкъ, Изабеллу и ресурсы, вѣря, что все къ лучшему. — Съ етою увѣреностію я не торопился ѣхать къ полку, жилъ по нѣсколько мѣсяцевъ въ городахъ и мѣстечькахъ, и пріѣхалъ въ полкъ тогда какъ онъ выступалъ въ походъ. Первое сраженіе, въ которомъ я случился, показалось мнѣ такъ страшно, что я принужденъ былъ сдѣлать фланговое движеніе на лѣво въ лѣсъ; лошадь моя тряслась всемъ тѣломъ, я былъ оглушенъ пальбою и задыхался отъ дыму... Чтобъ скрыть себя со всемъ приличіемъ, я, еще не доѣзжая лѣса, застрѣлилъ свою роб-

кую лошадь, оцарапалъ изо всей мочи себѣ лобъ и щеку, и легъ за кустомъ, призывая на помощь всѣхъ святыхъ.

Канонада начинала утихать, а съ нею и біеніе моего сердца: крики ура! возвратили мнѣ все мужество.... Я вспомнилъ, что все къ лучшему, привспалъ, осмотрѣлся, и о, счастіе! вижу около себя бѣгающую лошадь... ловлю ее, сажусь, и хочу дать шпоры... вдругъ слышу, что меня кличутъ: г. офицеръ! г. офицеръ! оглядываюсь, и вижу толстаго бригадира, который стоитъ подлѣ куста... (вѣрно и онъ въ первый разъ былъ на сраженіи)... Подъѣзжаю къ нему... »Лошадь, на которой вы сидите, моя« говоритъ мнѣ г. бригадиръ. — Я слѣзъ. — Извините, в. в. »Ничего, ничего,« прерываетъ онъ поспѣшно садясь и кряхтя: »ничего сударь — только я васъ прошу«... Онъ обернулся ко мнѣ и взялъ за руку: »

не говорите ничего о нашемъ свиданіи! . . . Я готовъ служить вамъ и докажу мою благодарность. " Онъ поѣхалъ, а я пошелъ подлѣ него, и разговоръ нашъ продолжался до самаго лагеря — (а мы забрели отъ него довольно далеко). Я показывалъ товарищамъ свою рану — и разсказалъ удивительную исторію о своей храбрости. . . . Не знаю, повѣрилиль они моимъ разсказамъ. . . но я не безпокоился о нихъ болѣе, потому что на другой же день сдѣланъ былъ адьютантомъ къ моему доброму бригадиру. Видите ли, что все къ лучшему! Еслибъ я не оставилъ шумнаго сраженія, никогда не былъ бы адьютантомъ! — Еслибъ бригадиръ не одержимъ былъ мигренемъ (ибо онъто былъ причиною его уединеннаго отдохновенія), то пришло ли бы ему въ голову выбрать меня въ адьютанты? Все къ лучшему! все къ лучшему! Во всю кампанію мы дѣлали съ

бригадиромъ чудеса храбрости, — за то, по окончаніи оной, бригадиръ вышелъ въ отставку, съ честію и славою — а я очутился маіоромъ, разныхъ орденовъ кавалеромъ. Ну, не все ли къ лучшему?

Я определился въ статскую службу; къ лучшему! Мнѣ дали хорошее мѣсто, большое жалованье, — все шло наилучшимъ порядкомъ, но вотъ бѣда: я сдѣлался стихотворцемъ. Пѣсенки, романсы, посланія каждый день текли съ пера моего; знакомые восхищались моими произведеніеми... Я имъ повѣрилъ — и напечаталъ свои стихотворенія.— Дорого заплатилъ я за удовольствіе прогремѣть въ газетахъ! журналисты растерзали меня, сатиры градомъ посыпались на отставнаго маіора - поэта; я занемогъ душой и тѣломъ, перестalъ выѣзжать, а наединѣ проклиналъ и себя, и свои стихи, и меценатовъ, и журналистовъ; я бѣсился, самолюбіе

страдало... Но все къ лучшему! такъ и вышло! Критики покричали — замолчали и я выздоровѣлъ; но переcталъ уже издавать опыты въ стихахъ, и бралъ перо единственно для того, чтобъ подписать свое имя... Счастіе ускользнуло бы отъ меня, еслибъ я не напечаталъ своихъ стихотвореній: одна дѣвушка, которая любила заниматься поэзіей и мечтать съ луною... подругой меланхоліи, ета дѣвушка... плѣнилась моими стихами, не дивитесь: у всякаго свой вкусъ!... Мнѣ предложили ея руку... и я на ней женился. Вы не видите тутъ лучшаго? Не торопитесь! Я взялъ за ней тысячу душъ и кучу денегъ, которыя копилъ еще дѣдушка ея дѣдушки. Теперь я спрошу у всѣхъ: не все ли къ лучшему?... возражать нечего;—слѣдственно я въ правѣ продолжать.

Мы зажили прекрасно. Вся моя обязанность къ женѣ состояла въ

помъ, чтобъ дарить ее каждый день — романсами, — прочее время употреблялъ на собственное удовольствіе. Годъ пролетѣлъ какъ мигъ, и мы жили какъ два сизые голубчика: жена моя была тихая, чувствительная женщина, и не мѣшалась ни во что, если дѣло не касалось поэзіи; домъ нашъ былъ открытъ для всѣхъ порядочныхъ людей (какъ говорила жена моя) особливо для иностранцевъ, которые непрестанно цѣлыми толпами являлись у насъ. Какая жизнь! о друзья мои! — не бойтесь критиковъ, — пишите — печатайте свои стихотворенія — и вѣрьте, что все къ лучшему! На другое лѣто поѣхали мы въ деревню; къ лучшему: потому, что жена моя тамъ умерла. Къ лучшему! къ лучшему! кричите вы, о варваръ! о неблагодарный! — Не прерывайте меня, м. г., а слушайте мой разсказъ. Жена моя умерла, — оставивъ послѣ себя жить, новорожден-

наго младенца. Всѣ доктора увѣряли меня, — и теперь еще увѣряютъ — что и младенецъ не видалъ бы сего свѣта, еслибъ она не поспѣшила своею кончиною. Ну не все ли къ лучшему!

Я поплакалъ, нарядился въ черный фракъ, написалъ покойницѣ епитафію, и подъ мрачными елями и соснами, соорудилъ ей монументъ. Имѣніе осталось при моемъ сынѣ, а я — какъ водится и какъ принято, объявилъ себя вдовцомъ и опекуномъ. . .

Уже нѣсколько лѣтъ супруга моя — ликуетъ въ томъ свѣтѣ, на небесахъ, а я скитаюсь въ здѣшней плачевной юдолѣ. Живу въ отставкѣ, и, кажется, до послѣдней минуты жизни буду повторять: все къ лучшему! . . . —

Согласны ли вы съ моимъ мнѣніемъ? согласитесь! потому что несравненно пріятнѣе вѣрить, что все къ луч-

шему, нежели говорить: все зло, все худо! —

Конечно, конечно! вскричалъ старецъ, но докажи мнѣ, что къ лучшему разбился мой фарфоръ?—Докажу, отвѣчалъ Анисимъ Тимофѣевичъ. Еслибъ онъ не разбился, я не разсказалъ бы тебѣ своей исторіи — . . . Теперь вѣрю, сказалъ старецъ, и обнялъ своего приятеля... Вечеръ прошелъ непримѣтно, и мы разстались въ самую полночь.

Послѣ обѣда Онисимъ Тимофѣевичъ опять навѣстилъ старца, и *когда вечерніе лучи солнца, отразились на гладкой поверхности мирной Москвы рѣки*, мы всѣ вышли на поле . . . . Старики молчали, мнѣ это не нравилось; я люблю слушать ихъ разговоры и для того оборотился къ Онисиму Тимофѣевичу, увѣряя его, что никогда не забуду его исторіи, и отъ души вѣрю,

что *все къ лучшему*. Старецъ улыбнулся. »Не уже ли ты думаешь, сказалъ онъ, что всѣмъ такъ удачно сходятъ съ рукъ проказы, какъ ему? Впрочемъ, судя по собственному опыту, и я могу сказать, что *все къ лучшему!* Вспоминая разные случаи въ моей жизни, и я могу увѣрять, что *все къ лучшему;* но...» — Нельзя ли поплатиться? прервалъ Онисимъ Тимофѣевичь: долгъ платежемъ красенъ; я же еще тверже стану вѣрить лучшему, узнавъ что нибудь изъ твоихъ приключеній.—» Согласенъ, отвѣчалъ старецъ, но прежде погуляемъ по *бархатному лугу* и обойдемъ рощу; *фіялки и ясмины благоухаютъ, и на крылахъ зефира приносятъ намъ ароматы.* Память моя освѣжится, и возвратясь домой, я раскажу вамъ какой нибудь случай въ жизни моей, не ужасный, не необыкновенный, не чрезвычайный, но справедливый.» — Разговоръ стариковъ восхищалъ меня; я

видалъ на балахъ у графа, вмѣстѣ съ женою и двумя дочерьми?» — Точно. — «Но которая ? » — Меньшая ! — «Не уже ли? ета вертушка ? » — О мой другъ , еслибъ ты короче узналъ ее! *Ето Ангелъ, которому должно покланяться; ето сама добродѣтель въ образѣ смертной!* О ! еслибъ ты короче узналъ Енглу , я увѣренъ , что не назвалъ бы ее вертушкою!» — Согласенъ . . . но гдѣ ты познакомился съ нею?— «У ея дяди. На прошлой недѣлѣ я былъ у нихъ въ деревнѣ, и выѣхалъ оттуда, совершенно потерявъ разсудокъ! Не одна Енгла — все семейство обворожило меня! Тамъ нашелъ я истинное гостепріимство, непритворное доброхотство ; отецъ, мать , дочери , всѣми благословляются ; бѣдные и больные находятъ у нихъ вѣрную помощь и пріютъ... Словомъ, любовь, дружба, человѣколюбіе— и счастіе на вѣки посе-

лены въ семействѣ барона! — Такъ говорилъ влюбленный У. и признаюсь, слова его плѣнили меня, особливо когда онъ прибавилъ, что ни малѣйшее принужденіе не тяготитъ посѣтителей барона. Слова У... желаніе увѣриться въ истинѣ его разсказа— страсть къ деревнѣ— все это сдѣлало то, что я выпросился у генерала въ отпускъ, и на другой день вмѣстѣ съ У.... отправился къ барону. Деревня его была въ 25 верстахъ отъ города и мы непримѣтно доѣхали. Я увидѣлъ издали прекрасную церковь, къ которой вела густая липовая аллея; высокій господскій домъ съ цвѣтникомъ передъ окнами, и свѣтлые пруды передъ садомъ. У. схватилъ меня за руку и указывая на все это, сказалъ: вотъ Глюкталь! (названіе бароновой деревни). »Ступай скорѣе!« закричали мы кучеру и въ мигъ очутились у крыльца . . . Входимъ.— Съ нетерпѣніемъ стряхиваю съ себя пыль и мед-

ленно слѣдую за моимъ товарищемъ; къ счастію хозяева были у обѣдни, и мы, осмотрѣвъ домъ, гдѣ все было чисто, богато и просто, пошли въ садъ . . Онъ чрезвычайно понравился мнѣ своими длинными, густыми аллеями, рощицами, сквозь которыя мелькалъ видъ свѣтлыхъ прудовъ; расположеніемъ бесѣдокъ, и мастерскимъ выборомъ мѣстъ для отдохновенія, откуда всегда представлялся какой нибудь прелестный видъ—къ тому же я два уже года не бывалъ въ деревнѣ, и смотрѣлъ на все, съ какимъ-то восторгомъ.— Обошедъ садъ, мы вошли въ церковь; видимъ крестьянъ съ веселыми лицами, въ праздничныхъ платьяхъ, и въ уголку на лѣво все семейство барона, молящееся съ нелицемѣрнымъ усердіемъ. Они, кажется, не примѣтили насъ, чего мы и желали. По окончаніи обѣдни, мы подошли къ нимъ, были обласканы, и окруженные толпою земледѣльцевъ, пошли вмѣстѣ

къ дому. Я сталъ внимательнѣе разсматривать семейство барона; дивился, какъ могъ прежде, видая его довольно часто, не отличить отъ толпы, бывшей у генерала. Внутренно упрекая себя несправедливостію, я въ одну минуту сдѣлался ентузіастомъ; смотрѣлъ на все, заранѣе увѣреный, что найду прелестнымъ; слушалъ, и слова ихъ казались мнѣ языкомъ чистой добродѣтели; разсматривалъ каждаго по одиначькѣ, и въ каждомъ находилъ прелестный характеръ. — Такъ предубѣжденіе очаровывало всѣ предметы въ глазахъ моихъ! Такъ юное сердце старалось загладить вину свою, и я — бывъ до того равнодушнымъ и холоднымъ къ семейству барона, сталъ ихъ ревностнымъ почитателемъ. — И теперь, когда лѣта охладили воображеніе, и разсудокъ не боится уже врага своего сердца, и теперь скажу, что не возможно было не плѣниться

етимъ семействомъ! Отецъ, человѣкъ смирный, вѣжливый, откровенный, непримѣтно несъ бремя послушнѣйшаго супруга; жена, женщина съ большимъ умомъ, образованымъ опытами болѣе, нежели хорошимъ воспитаніемъ, управляла всемъ; все преклонялось предъ ея волею, а воля ея прельщала и привлекала всѣхъ. — Рано познакомясь съ большимъ свѣтомъ, она совершенно узнала тайну обращаться съ людьми — за то всѣ знакомые до небесъ превозносили баронессу! — Старшая дочь, Марія, хорошо воспользовалась наставленіями матери; плѣняла сердца, не имѣя красоты; ослѣпляла своимъ умомъ, имѣя поверхностныя знанія; съ малыми несовершенными талантами, помрачала соперницъ. Меньшая Енгла изумляла своимъ вѣтренымъ, дѣтскимъ обхожденіемъ, откровенностію, простодушіемъ. Я описалъ вамъ вѣрно все семейство, кромѣ Енглы — ее предста-

вилъ такою, какою она показалась мнѣ въ первый день нашего знакомства: прочихъ изобразилъ какъ уже давно знакомый. — Съ перваго же дни всѣ показались мнѣ ангелами.«

»Погулявъ въ саду, гдѣ баронессы показали намъ все, что ни есть лучшаго, мы пришли въ домъ; отобѣдали и разошлись. — *У.* и я пошли по деревнѣ. Я открылся другу; признался ему, что все нахожу прелестнымъ, превозносилъ ласки хозяевъ, и благодарилъ его за знакомство съ ними. — Мы осмотрѣли деревню — домашнія заведенія; вездѣ порядокъ и чистота! Возвратясь, находимъ все семейство за чайнымъ столикомъ; *У.* сѣлъ подлѣ Енглы, я подлѣ Марьи. — Разговоръ ея плѣнялъ меня; но я не во всемъ соглашался съ нею: противорѣчилъ, доказывалъ, и все для удовольствія слушать ее долѣе! Мы говорили о любви, дружбѣ, постоянствѣ; она доказывала вѣчную силу ихъ; я не хо-

тѣлъ вѣрить ни любви, ни дружбѣ, ни постоянству—и Марья прочла мнѣ наизусть все, что написано объ етихъ чувствахъ лучшими поетами. Я вамъ сказалъ, что она выучилась подъ руководствомъ своей матери; не дивитесь же, что она разгадала меня съ перваго взгляда; увидѣла, что я предубѣжденъ противъ свѣтскихъ дѣвушекъ, и смотрю на все съ холодною примѣчательностію; завела разговоръ, будучи увѣрена, что я не соглашусь съ нею, но что буду изумленъ ея языкомъ, образомъ ея мыслей и откровенностію, которая отвлечетъ меня отъ примѣчаній. Она не обманулась. Разговоръ прервался звуками арфы, на которой превосходно играетъ Енгла. Все утихло... Музыка продолжалась до ужина. Мы были на небесахъ, не могли найти выраженій для похвалы Енглы; а она — прыгала, смѣялась и вальсировала, не отвѣчая на слова наши. Мы любимъ смотрѣть

на рѣзвыхъ дѣтей — но еще болѣе на веселую, рѣзвую дѣвушку: образъ безпечной невинности такъ привлекателенъ! И я не винилъ *У.*, что онъ предпочелъ веселую Енглу мудрой Марьѣ! Чтобъ раздѣлить похвалы, Марья принесла огромный картонъ съ своими рисунками; восклицанія снова раздались при видѣ прелестныхъ миніатюровъ ея работы... Я однако не восклицалъ — смотрѣлъ холодно — хвалилъ просто; я знаю, что дѣвушки рисуютъ двумя руками. . . Марья спросила, рисую ли *я*? *У.* отвѣчалъ за меня, увѣряя, что я совершенный живописецъ, и вотъ Марья начинаетъ разговоръ о живописи; перебрала всѣхъ извѣстныхъ живописцевъ мертвыхъ и живыхъ; хвалила, порочила, восхищалась, негодовала... Je fesais des grands yeux, какъ говорятъ Французы, и озираясь кругомъ, думалъ что перенесенъ въ храмъ мудрости... Къ счастію слова: *кушать готово!* напомни-

ли мнѣ, что я на землѣ, и слушаю не музъ, а баронессъ. Я подалъ Марьѣ руку, и мы вошли въ сполову. За ужиномъ дочери молчали, за то мать витійствовала: разсказывала о своемъ знакомствѣ съ извѣстными литтераторами, о старомъ дворѣ, объ артистахъ бывшихъ въ ея домѣ... Клянусь! Аспазія передъ мудрецами не могла говорить умнѣе, приятнѣе, занимательнѣе баронессы. Послѣ ужина мы раскланялись съ семействомъ, и пошли въ отведеныя намъ комнаты, во флигель подлѣ дома. — Никогда, во всю жизнь свою, не проводилъ я время такъ приятно, какъ въ етотъ день: я былъ очарованъ баронессами! Приходимъ въ комнату — двѣ чистыя постели, подлѣ каждой столикъ съ книгами. »Что ето за книги?« спрашиваю *У.* — Твои любимыя. — »Точно! какое вниманіе! какая тонкая заботливость! И все ето Марья!« —

Не хочу томить васъ, друзья мои—

простите мнѣ продолжительный разсказъ о первомъ днѣ, проведенномъ съ баронессами. Я хотѣлъ вамъ показать, что не льзя было не привязаться къ етому семейству! — Я видалъ много людей большаго свѣта, коротко зналъ ихъ; но не ожидалъ найти между ими, ничего подобнаго баронессамъ! Другой день прошелъ еще приятнѣе; наконецъ прошла и вся райская недѣля! Надобно было возвратиться въ городъ. Поставте себя на мое мѣсто, друзья мои, и судите, легко ли мнѣ было разставаться съ Глюкталемъ! Во всю недѣлю, та же ласка, тѣ же очаровательные разговоры, то же вниманіе, та же небесная музыка! Кромѣ того, я каждое утро рисовалъ съ Марьей, и поѣхалъ въ городъ съ именемъ ея друга. Какъ я былъ доволенъ! — Прежде, я искалъ друга между товарищами, и не находилъ его; когда же Марья назвала меня своимъ другомъ, казалось, что я обновилъ

бытіе свое — видѣлъ въ ней, всѣ тѣ качества, которыя искалъ, и не могъ понять, какъ могъ я искать друга между мужчинами? — Недѣля въ деревнѣ сближаетъ болѣе, нежели семилѣтнее знакомство въ городѣ, а потому мать и отецъ, обращались со мною, какъ съ домашнимъ; Марья, какъ съ другомъ, которому обязана говорить все, что думаетъ; Енгла, какъ съ братомъ. — Мы возвратились въ городъ: *У*. съ любовію, я съ дружбою. Воспоминаніе о Глюкшалѣ мѣшало мнѣ заниматься дѣломъ; отвлекало отъ малаго круга знакомыхъ — я сталъ не разлученъ съ *У*., чтобъ только говорить о баронессахъ. — Въ продолженіе лѣта, я не переставалъ посѣщать ихъ, всегда возвращаясь съ новымъ удовольствіемъ. Но, друзья мои, вы подозрѣваете, можетъ быть меня, въ страсти къ Марьѣ? Нѣтъ! Мы одинъ разъ назвавшись друзьями, не разрывали нашего союза.

— Не Марья, Енгла победила его холодное сердце! Я не искалъ любви ея, но она сама вовлекла меня въ сѣти, которыхъ я не опасался, зная ея вѣтреность. Не буду описывать начала любви моей — скажу только, что я долго не хотѣлъ вѣрить тому, что ясно видѣлъ товарищь мой; послѣ, зная уже о любви ея ко мнѣ, я еще боролся съ сердцемъ своимъ; платилъ равнодушіемъ за ласки, не примѣчалъ ея вниманія ко мнѣ... Рѣзвая, вѣтреная Енгла стала уныла, грустила; одно мое присутствіе разгоняло ея задумчивость, и она снова оживала для радости. — У. уѣхалъ въ чужіе краи и тамъ женился; я самъ поѣхалъ въ южные края Россіи. — Возвратившись чрезъ годъ, нахожу въ Енглѣ ту же любовь, то же постоянство! — Сердце пересилило разсудокъ! — Любовь, которой не вѣрилъ я, съ сей минуты овладѣла мною совершенно. Я часто слыхалъ отъ баронессы, что

она не будетъ принуждать къ браку дочерей своихъ, но не выдастъ прежде 18 лѣтъ, а Енглѣ было только 17; надобно было покориться необходимости и ждать счастія цѣлый годъ! Я не открывалъ баронессѣ любовь мою, и могъ ли я ожидать отказа, зная привязаность ея къ дѣтямъ, и ея хорошее мнѣніе обо мнѣ! Будемъ терпѣливы, другъ мой! повторяла мнѣ Енгла! Счастіе ожидаетъ насъ! Пламенный поцѣлуй ручался въ его прочности! Я блаженствовалъ! Никто не зналъ о любви нашей, кромѣ стараго Василья, мужа ея няни, который переносилъ наши письма. — Не болѣе полугода оставалось до счастливой минуты, когда я принужденъ былъ ѣхать въ *Ш*. Какое мученіе, друзья мои! Вы видали на театрахъ разлуку любовниковъ — читали объ ней въ романахъ! Вѣрьте: выраженія, клятвы, дѣйствіе не увеличены! Любовь, созданіе воображенія; все неестественное по-

зволительно и должно быть въ любви.«

»Я уѣхалъ, страдая душою: писалъ къ ней страстные письма; получалъ ея длинные журналы, гдѣ она описывала все, что дѣлаетъ и думаетъ. Разлука, для меня была тѣмъ мучительнѣе, что я не искалъ разсѣянія; любилъ питать страсть свою — воспоминаніемъ, будущимъ, романами... О друзья мои! я дорого заплатилъ за любовь свою! Дѣла мои приходили уже къ концу; черезъ два мѣсяца я надѣялся возвратиться въ Митаву, и трепеталъ, воображая Енглу, любовь и счастіе меня ожидающія! Но вотъ пришла почта, а я не получаю писемъ! Приходитъ другая—ни строки! Проходитъ мѣсяцъ — нѣтъ никакого извѣстія отъ Енглы; я занемогъ; пролежалъ три недѣли въ горячькѣ, бредилъ Енглою, письмами... Натура пересилила — я выздоровѣлъ — сталъ поправляться; самолюбіе и подозрѣ-

ніе выживали изъ сердца любовь — любовь горячька сердца — а горячьки непродолжительны! — Наконецъ получаю письмо — разпечатываю, читаю — холодъ пробѣжалъ по жиламъ моимъ: я не помню себя.— Я не умеръ, но ничего не чувствовалъ — ничего не видѣлъ — не слышалъ!... Жестокая писала, что выходитъ за мужъ, по волѣ родителей, не смѣя противиться ихъ волѣ! Но не сама ли ты милліонами клятвъ увѣряла меня, что никто, кромѣ меня, не получитъ руки твоей? . . . И ты говоришь еще, что любишь меня, что вѣчно любить будешь? Несчастная! « такъ говорилъ я вышедъ изъ безпамятства!... «

«Она просила сжечь ея письма, и полагалась во всемъ на мое молчаніе, зная мое доброе сердце, какъ писала она. — Я исполнилъ ея желаніе — въ послѣдній разъ прочелъ клятвы — и легкій огонь камина развѣялъ ихъ! Я остался въ *Ш*. Двѣ недѣли былъ,

какъ сумасшедшій, и не могъ вѣрить, что Енгла, въ четыре мѣсяца могла забыть меня! Разсудокъ начиналъ дѣйствовать — я сталъ покойнѣе и не имѣя никого, кому бы могъ повѣрить чувства свои, самъ утѣшалъ себя, и наконецъ утѣшилъ — удаляя воспоминанія, и на досугѣ изчисляя ея недостатки, которыхъ не видалъ прежде... Не мудрено! я игралъ въ жмурки съ негоднымъ амуромъ! Ты унываешь, говорилъ я самъ себѣ — о чемъ? О вѣтреницѣ, которая забыла тебя и клятвы свои въ четыре мѣсяца!... Благодари лучше небо, что оно избавило тебя отъ вѣчнаго союза съ нею! Вѣрь: провидѣніе знаетъ, что дѣлаетъ; опредѣленія его святы и благодѣтельны. Ты находилъ въ Енглѣ всѣ качества доброй жены, доброй матери, и восхищался будущимъ. — но кто увѣрилъ тебя, что она свято ихъ исполнитъ? Со всемъ тѣмъ, я не могъ понять, зачѣмъ Енгла вовлекла

меня въ сѣти, зачѣмъ хотѣла любви моей? . . . Тогда я не зналъ еще женщинъ, друзья мои, и вѣрилъ клятвамъ! Такъ кончилась любовь моя—твореніе воображенія, питаемое мечтами, и изчезающее или съ наслажденіемъ, или со временемъ. Чрезъ четыре года послѣ того я женился; жена моя не превосходно играла на арфѣ, не представляла комедій, не умѣла восхищаться травкой и чижичкомъ; но я прожилъ съ нею 26 лѣтъ, не зная и тѣни огорченія! Да будетъ ей вѣчная память за мое счастіе! А Енгла? Енгла цѣлый годъ прожила съ своимъ мужемъ! Да, цѣлый годъ! обворожая добраго человѣка, и прослывъ нѣжнѣйшею женою во всемъ городѣ... На другой годъ — они развелись — не знаю отъ чего, и по какимъ причинамъ! Онъ еще живъ—она уже умерла. — Я не видалъ ее ни разу со времени нашей разлуки, а съ Марьей и до сихъ поръ веду переписку... Я повѣрилъ ей

старую любовь свою; она растолковала мнѣ непонятные поступки Енгли во время оно — и я каждый день благословляю провидѣніе за мою поѣздку въ *Ш.*

„Вотъ, милые, исторія любви моей —гдѣ вы также видите, что *все къ лучшему!* И я дурачился! Какъ быть! Молодые люди! не вѣрьте голубымъ, или черным глазкамъ, когда они устремлены на васъ, и такъ ясно говорятъ: *я люблю тебя!*. Не вѣрьте нѣжному голосу, когда онъ, въ слѣдъ за глазками будетъ повторять вамъ: *я люблю тебя! твоя и за гробомъ!* — Не вѣрьте клятвамъ! — И тотъ, кто даетъ, и тотъ, кто получаетъ, увѣрены въ святости клятвъ своихъ: — но время, но разсудокъ не вѣрятъ имъ; но кокетство употребляетъ ихъ, какъ вѣрное средство для побѣды неопытныхъ! Гдѣ клятва — тутъ и преступленіе, говорили праотцы наши — доказательствомъ тому всѣ

любовныя связи. Не ищите въ свѣтѣ людей, которыми наполнены романы г-жи Жанлисъ. — Ети образцы вѣрности, постоянства, не являются въ здѣшнемъ мірѣ! Здѣшній міръ сотворенъ на время — и все здѣсь на время! — Выбирая подругу, не пускайте въ совѣтъ амура: онъ слѣпъ; ищите въ дѣвушкѣ постояннаго ума, здраваго разсудка, и твердыхъ основаній въ вѣрѣ!... — Можетъ быть, Енгла была бы счастлива, еслибъ вѣра скрѣпляла въ ней, добрыя ея качества и умъ.“

Все ето наставленіе молодымъ людямъ, старецъ проговорилъ, оборотясь ко мнѣ... Я слушалъ его со всемъ вниманіемъ, должнымъ такимъ мудрымъ совѣтамъ — и не проронилъ ни слова... Непонятно мнѣ было, почему Онисимъ Тимофѣевичъ въ ето время смѣялся?— Но лишь кончилъ старецъ повѣсть и свои наставленія молодымъ людямъ, Онисимъ Тимофѣевичъ всталъ

съ своего мѣста и сказалъ: »ты несправедливъ! Ты нападаешь на романы, хочешь истребить въ молодомъ человѣкѣ лучшіе ощущенія — хочешь, чтобъ онъ не чувствовалъ, что у него есть сердце, и пугаешь его твоею Енглою. — Но — не ей ли обязанъ ты, счастіемъ въ цѣлые полгода? Можетъ быть онъ будетъ счастливѣе тебя, и его Енгла, цѣлый годъ будетъ твердить ему: *твоя и до гроба!* Мы старики, похожи на больнаго, которому вредны лучшія кушанья, и который, потому не даетъ ихъ, своимъ дѣтямъ, здоровымъ и свѣжимъ. Не смотря на твои прелестные совѣты, до конца мира одна половина людей будетъ писать романы, а другая ихъ читать! До конца мира одна половина людей будетъ кричать: *бойтесь любви;* а другая: *сладко любить!* . . . И что дѣлать молодымъ людямъ, если они съ юности сдружатся съ холоднымъ разсудкомъ, и съ нѣмецкою

точностію стануть мѣрить шаги свои? Нѣтъ! отдадимъ сердцу всю свободу: пусть оно бьется при встрѣчѣ съ прелестными глазками, орлинымъ носикомъ, и прочими принадлежностями нашихъ побѣдительницъ!... Мы ничѣмъ не лучше предковъ нашихъ съ етой стороны! Мы точно такіе же люди: они всѣ любили... и вездѣ вижу, и теперь, и за тысячу лѣтъ, и далѣе, что все любилось и дурачилось. . . Ето необходимо. Кто уже пущенъ погостить въ здѣшній свѣтъ, тотъ непремѣнно дѣлаетъ то, что всѣ дѣлаютъ, и что всѣ дѣлали... Всѣ нападки на страсти и любовь... пустыя слова — прекрасныя истины, которымъ никто не вѣритъ — такія высокія правила, до которыхъ никакъ не можетъ достигнуть натура человѣческая. Мы рождены съ любовію въ сердцѣ — и каждый любитъ — кто счастливо — кто несчастно — кто вѣтрено — кто постоянно: но всѣ любятъ, начиная

съ Китайскаго императора, до моей кухарки Анисьи Карповны...“

Старецъ вздремнулъ, или отъ усталости послѣ продолжительнаго разсказа, или отъ рѣчи Анисима Тимофѣевича. . . — Мы тихо вышли изъ комнаты, и пошли на Воробьевы горы. — Солнце заходило, вѣтерокъ качалъ березовые листочьки. — Какая картина! какой богатый сюжетъ для елегіи моему приятелю Б...

Сего дня, старецъ разсказалъ намъ о своемъ авторствѣ и страсти писать, нѣкогда имъ владѣвшей. Мы сидѣли въ его спальнѣ, и Онисимъ Тимофѣевичъ спросилъ его объ одной, давно написаной имъ комедіи. Старецъ захохоталъ, и слово за слово, такъ началъ разсказывать исторію своего авторства.

На 14 году, когда я еще сидѣлъ за

граматикой Ломоносова, вздумалось мнѣ перевесть книгу . . . Иду къ книгопродавцу, нахожу на французскомъ языкѣ маленькую книжку, въ которой довольно ясно описывалось происхожденіе всѣхъ народовъ, обычаи ихъ, религія — плачу̀ два рубли, и бѣгу домой: прямо къ своему письменному столику.— Ето было на шестой недѣлѣ великаго поста: время скучное для молодаго человѣка, а потому я съ такимъ усердіемъ принялся за работу, что чрезъ шесть дней отдалъ мой переводъ въ цензуру. Дивлюсь своей смѣлости теперь — но тогда. . . о какихъ послѣдствіяхъ думаетъ 14 лѣтній ребенокъ? Я переводилъ прямо на бѣло, не задумываясь надъ собственными именами, и не заботясь о чистотѣ слога. — Я имѣлъ въ виду — не славу меня ожидающую, но сотню рублей къ святой недѣлѣ.— Цензоры также торопились отдохнуть... и мою рукопись тотчасъ позво-

лили печатать. Взявъ въ руки плодъ шестидневныхъ трудовъ моихъ, я пошелъ къ давнишнему знакомцу дяди моего, къ книгопродавцу N., и со всею робостію новичка, предложилъ ему купить мой переводъ. Можетъ быть, мой жалкій видъ, связь его съ дядею, и человѣколюбивое желаніе утѣшить ребенка, побудили его болѣе къ принятію моего предложенія, нежели весьма сомнительное достоинство перевода.. Я взялъ 150 руб. въ карманъ, и съ увѣренностію въ своихъ достоинствахъ, съ важностію миліонщика, вышелъ на улицу.— Ничто уже не удивляло меня— ничто уже не могло возбудить моего вниманія, или зависти: я обладалъ полуторастами рублей, и считалъ себя, наравнѣ съ крезами всей вселенной. — Книгу мою напечатали, и поставили въ заглавіи мое имя. По уговору, я получилъ 25 екземпляровъ, и раздарилъ ихъ своимъ знакомымъ. Какое торжество! Мое имя

напечатано! Мое имя гремитъ въ московскихъ и петербургскихъ газетахъ!—— Но, о горе! Одинъ журналистъ, только что вышедшій самъ изъ училища, и который, для остраго словца, готовъ былъ обругать и свой журналъ— етотъ проклятый журналистъ разругалъ и переводъ , и меня какъ нельзя хуже! Какой ударъ для 14 лѣтняго мальчика! Я былъ однако довольно разсудителенъ , и не отвѣчалъ на насмѣшки товарищей, видя, что критика совершенно справедлива. . . Не брани, не ругай меня, не нападай на личность, и я письменно поблагодарилъ бы г. журналиста за трудъ его.

Больно вытерпѣть публичное осмѣяніе, но больнѣе не имѣть денегъ, и я истративъ свое богатство, опять задумалъ переводить. На сей разъ я былъ счастливѣе. Перевелъ маленькой романъ, и продалъ его чрезъ одного пріятеля, тому книгопродавцу, кото-

рому, всѣ журналисты были друзья и братья. Я не выставилъ на переводѣ своего имени и раскаялся! Всѣ журналисты расхвалили и переводъ и переводчика! Сто рублей, полученные отъ книгопродавца, исчезли также скоро, какъ и моя слава; надобно было опять приниматься за работу... Я началъ сочинять повѣсти, маленькіе романы, и отсылалъ въ журналы; однако никогда не подписывалъ своего имени. Чтожь вышло? Одинъ приятель, который зналъ всѣ мои сочиненія, шепнулъ другому, что такая-то піеса, въ такомъ-то журналѣ, моя; и вотъ я опять сдѣлался авторомъ! Гдѣ я ни появлялся, меня окружали, хвалили, превозносили мои повѣсти. . . я увѣрялъ, что ничего не пишу — и внутренно восхищался моими успѣхами! Въ другихъ домахъ при мнѣ же, ругали меня: и я не смѣлъ защищаться. Такимъ образомъ авторъ анонимъ, въ одномъ домѣ сердился, въ другомъ восхищался. — Все

ето до того измучило мое самолюбіе, что я навсегда отказался отъ авторской славы— но не пересталъ писать для своего удовольствія, и съ надеждою на безпристрастное потомство... Наконецъ подагра вылечила меня отъ привычки марать бумагу— и я теперь спокоенъ!....

Voila tous mes forfaits, je n'en connais point d' autres.

„Ты говоришь о своихъ повѣстяхъ —сказалъ Онисимъ Тимофѣевичь— но знаешь ли, что я не читалъ ни одной изъ нихъ? . . Теперь дѣлать намъ нечего, и мы поблагодарили бы тебя, еслибъ ты прочелъ намъ что нибудь." —Я также началъ просить его, и добрый старецъ исполнилъ наше желаніе.— Истертый, красный портфейль поставленъ на столъ; старецъ вынимаетъ изъ него маленькую тетрадку. Молчаніе — онъ читаетъ.

Ельмина.

Было время — и Ельмина блистала на горизонтѣ большаго свѣта. Прекрасная, образованная, она имѣла всѣ слабости и пороки вѣтренаго сердца, и безпредѣльнаго самолюбія... Отецъ ея, богатѣйшій и знатнѣйшій человѣкъ, дышалъ Ельминою; ея прихоти были его законами; ея удовольствія и радости — его счастіемъ... Вдругъ, онъ впалъ въ немилость—его осудили — описали все имѣніе! Какой переворотъ въ судьбѣ Ельмины! Добрый отецъ сокрушался — дочь. . . утѣшала его; и не думала о томъ, что сдѣлалась бѣднѣйшею дѣвушкою въ городѣ.. . . . Гдѣ же почерпнуло это вѣтреное, самолюбивое созданіе, твердость и хладнокровіе къ несчастію?— *Въ романахъ!* Юное, чувствительное сердце, привыкло раздѣлять горести страдальцевъ изобрѣтенія г-жи Жанлисъ и Августа Лафонтена; вообра-

женіе приучило ее, ставить себя на мѣсто несчастливцевъ , и Ельмина напитаная чтеніемъ романовъ, видѣла въ перемѣнѣ судьбы своей , одно существенное повтореніе читанаго... не болѣе! Къ томужъ, ей извѣстно было, что герои романовъ тверды въ несчастіи, и рано, или поздно, дѣлаются благополучнѣйшими обитателями земнаго шара... Вотъ примѣръ пользы романовъ!...

Вмѣстѣ съ богатствомъ, человѣкъ лишается друзей, принужденія, неваренія желудка. . . и отецъ Ельмины всего етаго лишился. Старикъ остался съ одною дочерью — и воспоминаніями ! Участь Ельмины сокрушала его. Онъ не могъ безъ ужаса думать о неизбѣжной и вѣчной разлукѣ съ нею... Кто возметъ попеченіе о бѣдной, оставленой Ельминѣ ? Ета мысль заставила старика принять дѣятельныя мѣры для своего оправданія; люди, состарѣвшіеся въ сношеніяхъ съ

знатными и царедворцами, твердо выучили науку: *искать*... Старикъ оставилъ городокъ, въ который было удалился, и пріѣхалъ въ столицу... Взглянулъ на теченіе дѣлъ, и увидѣлъ волю и власть, въ рукахъ любимца королевскаго, генерала Г... Онъ является къ нему... объявляетъ свое дѣло. Генералъ былъ тонкій, дальновидный человѣкъ... подумалъ, и велѣлъ ему пріѣхать къ себѣ черезъ недѣлю... Въ продолженіе етаго времени чувствительная Ельмина узнала жестокую страсть, о которой столько читала: *любовь*... Къ старику пріѣхалъ его воспитанникъ, капитанъ Фрицъ, молодой, богатой, хорошей фамиліи, но безпечный и ни мало не честолюбивый; пріѣхалъ, увидѣлъ Ельмину и влюбился; влюбился, и побѣдилъ... Фрицъ былъ внѣ себя, открылъ старику страсть свою, и получилъ согласіе... Все шло наилучшимъ порядкомъ!... Но генералъ-лю-

бимецъ, имѣлъ брата, жестоко обиженаго природою со стороны ума; генералу хотѣлось пристроить юродиваго, то есть: сыскать ему богатую и умную жену, и съ чиномъ полковника поселить въ деревнѣ... Генералъ слыхалъ о достоинствахъ Ельмины, и рѣшился возвратить старику все имѣніе, съ условіемъ выдать Ельмину, за его любезнаго брата. Что задумано, то и сказано... Но старикъ, не ожидая етаго предложенія, смѣшался, а генералъ принялъ замѣшательство за радостное изумленіе... «Завтра пріѣду къ вамъ съ братомъ» — сказалъ онъ и ушелъ... Старикъ — не зналъ что дѣлать: какъ отказать Фрицу? какъ отказать генералу?... Но самолюбіе, и честолюбіе все рѣшили. Старикъ, нѣкогда знатный, сильный, видѣлъ себя въ ничтожествѣ: мысль, чрезъ родство съ генераломъ возвратиться на прежнюю блистательную степень — ета мысль, раз-

сѣяла послѣднія сомнѣніе. Онъ пріѣзжаетъ домой, и разсказываетъ дочери и Фрицу свой разговоръ съ генераломъ. — „Чтожъ, батюшка? Вы отказали?“ сказалъ любовникъ. . . — Нѣтъ! — Ельмина поблѣднѣла, Фрицъ затрепеталъ. — „Но развѣ вы забыли?“ — Я ничего не забылъ, отвѣчалъ старикъ. . . Пойдемъ въ кабинетъ! . . . —

Что они тамъ говорили, неизвѣстно; Фрицъ вышелъ оттуда, обнялъ Ельмину, и сказалъ: „ты будешь женою полковника!“ Ельмина затрепетала... Она вспомнила отчаяніе, вопль и рыданія при такихъ случаяхъ въ романахъ... но не зарыдала, а схватя Фрица за руку, повторила слова свои, тысячу разъ прежде говоренные: *я твоя — твоя и здѣсь, и за гробомъ!...* Въ эту минуту вошелъ старикъ... — Позволяю себѣ маленькое пропущеніе разговора, который послѣдовалъ.— Я не люблю распространять описаній

драматическими епизодами.... может быть, и от того, что не умѣю... Пропускаю разговоръ и продолжаю повѣсть.— Черезъ двѣ недѣли Ельмина вышла за мужъ за полковника Г., и уѣхала въ деревню вмѣстѣ съ мужемъ, отцемъ... и Фрицемъ... Мужъ ея, человѣкъ скромный и тихій, самъ не понималъ, для чего его женили, для чего онъ ѣдетъ въ деревню, для чего Ельмина убѣгаетъ его, для чего она неразлучна съ Фрицомъ?... Онъ ничего етаго не понималъ; но все ето казалось ему прелестно, и въ порядкѣ вещей.... Старикъ прожилъ въ деревнѣ только одну недѣлю, и возвратился въ городъ, къ отправленію прежней должности... Послѣ его отъѣзда мѣсто хозяина и отца заступилъ Фрицъ: онъ всемъ распоряжалъ, всемъ повелѣвалъ, и никто въ домѣ не смѣлъ ослушаться Фрица, не изключая и г. полковника! Полковникъ, былъ изъ малаго числа тѣхъ людей, которымъ очень хорошо

въ здѣшнемъ свѣтѣ. Онъ ни о чемъ не думалъ, слѣдовательно ни о чемъ не безпокоился; ничего не дѣлалъ слѣдовательно, хорошо кушалъ и не жаловался на безсонницу. Все хорошо было для г. полковника, но лучше всего: сидѣть въ большихъ креслахъ и смотрѣть сквозь очьки на портретъ Ельмины... И не мудрено— онъ ее такъ любилъ, а видалъ рѣдко: она, или помогала хозяйничать Фрицу, или гуляла съ нимъ въ рощѣ, или слушала романы, которые онъ же читалъ ей въ свободное время... Полковникъ не любилъ перемѣны: сидѣлъ въ своихъ креслахъ, и съ терпѣніемъ ожидалъ, когда позовутъ его завтракать, обѣдать, пить чай, ужинать... Ельмина, какъ нѣжная жена, не переставала объ немъ заботиться: отдѣлала для него прелестный кабинетъ, самый спокойный; украсила его своимъ портретомъ; меблировала большими, глубокими креслами, и пышною мягкою кроватью. За то пол-

ковникъ не зналъ, какъ благодарить ее, и во все лѣто не заглядывалъ ни въ гостиную, ни въ другія комнаты. Все шло наилучшимъ порядкомъ!.. Въ концѣ осени, счастливые сельскіе жители переѣхали въ городъ: перемѣнъ немного! Таже забота о кабинетѣ для милаго супруга! Тѣ же дружескія попеченія со стороны Фрица! Но зима принесла много безпокойства г. полковнику: во перьвыхъ, къ нему собирались два раза въ недѣлю виртуозы и лучшіе люди въ городѣ; надобно было сидѣть съ гостьми, слушать музыку, и до ночи сидѣть. . . въ простыхъ креслахъ! Полковникъ измучился бы безъ Фрица: но тутъ - то: онъ и узналъ всю важность истиннаго друга. Фрицъ заступалъ его мѣсто, принимая гостей; Фрицъ заботился объ ихъ удовольствіяхъ; Фрицъ распоряжалъ праздникомъ... вездѣ Фрицъ! — Полковникъ былъ внѣ себя отъ благодарности, да и можно ли не чувство-

вать такихъ одолженій?.. Безъ Фрица полковникъ принужденъ былъ бы думать, дѣйствовать; слѣдовательно — портить свой желудокъ!

Наконецъ, прошла мучительная зима. Уже весна снова вызывала счастливыхъ супруговъ въ сельское уединеніе: снѣгъ сошелъ, полковникъ увидалъ за обѣдомъ саладъ, и улыбнулся. . . ему такъ хорошо было въ деревнѣ... Но судьба сдѣлала по своему...

Въ концѣ Апрѣля, вечеромъ, полковникъ сидѣлъ въ своихъ волтеровскихъ креслахъ. . . и думалъ. . . (не умѣю сказать о чемъ). Вдругъ вбѣгаетъ въ его комнату Фрицъ, съ веселымъ, торжественымъ лицемъ; цѣлуетъ его два раза въ лобъ, обнимаетъ. . . Полковнику это очень понравилось; онъ улыбнулся, а Фрицъ опять обнялъ его, и сказалъ: »слава Богу! . . . Ельмина родила благополучно дѣвочьку!«— Право? отвѣчалъ полковникъ: да какъ это? — Въ эту

минуту является человѣкъ, и докладываетъ г. полковнику, что г-жа полковница желаетъ его видѣть. Мысли и разговоръ прерваны — онъ идетъ, ему кажутъ его дитя, его дочь, его милую Юлію. . . Отъ радости, онъ велѣлъ было перетащить свои кресла въ спальню любезной супруги; но ему дали замѣтить, что родильницѣ нуженъ покой, или, можетъ быть, просто сказали: вздоръ! что все равно, и что не мѣшало ему радоваться, и сидѣть въ своемъ кабинетѣ... Счастливый, стократъ счастливый супругъ и отецъ!... и философъ — какихъ мы уже не видимъ въ наше время!

Точно такимъ образомъ полковникъ провелъ осмнадцать лѣтъ: днемъ и ночью, въ городѣ и деревнѣ; ничто не нарушало его спокойствія; ничто не тревожило его добраго сердца и его волтеровскихъ креселъ! А между тѣмъ сколько перемѣнъ въ домѣ его!..

Тесть умеръ, оставя ему все имѣніе; Юлія выросла и подъ руководствомъ матери блистала въ большомъ свѣтѣ; Фрицъ, непостоянный Фрицъ, поѣхалъ искать славы подъ пушечными выстрѣлами; Ельмина перестала пѣть и танцовать!... Все перемѣнилось — кромѣ полковника! Но онъ, и не примѣтилъ перемѣны. Стѣны кабинета, граничили для него съ цѣлымъ міромъ: что дѣлалось за ними, онъ не зналъ, и не хотѣлъ знать! Счастливый миролюбецъ! — За стѣнами кабинета все шло своимъ порядкомъ: Ельмина была въ связи съ лучшими людьми; славилась гостепріимствомъ, хорошимъ тономъ — и милою, прелестною Юліею. . . Два раза въ недѣлю, сбирался у нее отборнѣйшій кругъ ея знакомыхъ: министры, посланники, генералы... Пронесся слухъ, что Юлія выходитъ за мужъ за графа Ена; слухъ оказался справедливымъ, и всѣ поскакали поз-

дравлять счастливую Юлію... Одинъ полковникъ не зналъ, что его дочь выходитъ за мужъ: стѣны кабинета его не говорили, а онъ, чаще всего съ ними бесѣдовалъ! Наконецъ жена объявляетъ ему о свадьбѣ дочери... „Право? сказалъ полковникъ... да какъ ето?“ — Юлія вышла за мужъ; полковникъ и полковница состарѣлись въ свою очередь... и до послѣдней минуты жизни, были довольны другъ другомъ!

Если вы женитесь, друзья мои, и захотите жить счастливо — подражайте моему полковнику!...“

— Покорный слуга! сказалъ Онисимъ Тимофѣевичь. — Мы засмѣялись... поблагодарили старца за чтеніе — и разошлись... разговаривая о счастливомъ полковникѣ...

Ненастная погода продолжается, и прогулки наши почти кончились. Старецъ сидитъ въ своей спальнѣ, я въ своей комнатѣ: онъ съ Греками и Римлянами, я съ Французами и Нѣмцами.... Мы видимся утромъ, за обѣдомъ и вечеромъ — и толкуемъ о читаномъ и слышаномъ.

Сегодня, когда я пришелъ къ нему по обыкновенію пить кофе, онъ спросилъ меня: »которое нынче число?« — 2 Сентября.— »Памятно ли оно для тебя?« — Я задумался.—» Не уже ли, продолжалъ старецъ, ты забылъ, что 2 Сентября пожаловали въ Москву любезные Французы . . . да гдѣжь ты былъ въ это время?« — Я разсказалъ ему, что жилъ въ это время въ Воронежской губерніи, въ деревнѣ одного изъ университетскихъ товарищей . . . . . — »А я, сказалъ старецъ, я странствовалъ пѣшкомъ. . . . 2 Сентября памятно моему сердцу, ногамъ и желудку. Не хо-

чешь ли описать моего странствованія?—я его раскажу тебѣ вкратцѣ. «
— Съ охотою, съ радостію, отвѣчалъ я, и приготовился слушать добраго старца — но онъ лишилъ меня етаго удовольствія, сказавъ, чтобъ я приходилъ вечеромъ въ его кабинетъ . . .

О старецъ лужницкій! Какъ много я обязанъ тебѣ! Твои разговоры, твои совѣты, познакомили меня со свѣтомъ и людьми—просвѣтили, болѣе трехлѣтняго слушанія профессорскихъ лекцій. . . . . . Вечеромъ, въ назначеный часъ, я пришелъ къ старцу . . . « Пора, мой милый историкъ! садись« — сказалъ онъ—и началъ говорить слѣдующее:

« Невѣроятное сбылось: Французы вошли въ Москву! — Еще гораздо ранѣе вступленія ихъ, жители начали выѣзжать, и 1 Сентября во всемъ городѣ, остались одни бѣдняки, бродяги и дворники... 2 го, парижескіе коршуны

влетѣли въ древнюю столицу нашу, и начались пожары, и грабительство. Что они тамъ дѣлали во все время своего пребыванія, подробно описано многими очевидцами и писателями. Не хочу снова повторять о тѣхъ ужасахъ, которыми будутъ стращать няньки, нашихъ правнуковъ, и начну свои приключенія.— Я жилъ тогда на Моховой, и ни гдѣ не служа, проводилъ время по своему.— Взятіе Смоленска поколебало Москвичей— визитъ Французовъ казался и неизбѣжнымъ и близкимъ.— Ободренія главнокомандующаго едва удержали въ Москвѣ четвертую часть ея жителей... Какъ дѣти, играющіе въ гулючки, дожидаются слова: пора! . . такъ и мы, ожидали извѣстій изъ арміи. . . Каждый вечеръ, оставшаяся толпа жителей сбиралась на Никольскую, противъ управы благочинія, чтобъ прочесть новое объявленіе отъ главнокомандующаго: но духъ унынія, не развлекался ни объя-

вленіями, ни извѣстіями изъ арміи. Умолкъ стукъ каретъ. . . . улицы опустѣли: исчезли дѣятельность, и шумъ въ рядахъ гостинаго двора; жители въ уныніи запирались въ домахъ своихъ и молились— бродили по улицамъ, и видъ запустѣнія говорилъ имъ: *удалитесь!* Родившись въ Москвѣ, въ пышной, шумной, тяжело разставаться съ нею, думая, что видишь ее уже въ послѣдній разъ. . . Я говорю по собственымъ чувствамъ: я какъ бы недавно обращенный богоотступникъ, колебался, вѣря и не вѣря будущему... Представляя себѣ могущество Россіи, ея силу, опытность вождя, привязаность Россіянъ къ древней столицѣ— приходъ Французовъ казался мнѣ жалкимъ безуміемъ смѣльчаковъ, на восковыхъ крыльяхъ летящихъ къ солнцу; но видя потерю Смоленска, и зная малочисленость арміи нашей, я трепеталъ за Москву. . . . Такъ безпрестанно волнуясь надеждою, и стра-

хомъ, но всегда съ душевною горестію и ожиданіемъ печальнаго, прожилъ я до 1 Сентября. Гибель Москвы была уже очевидна... но я медлилъ и молился чудотворцамъ московскимъ о спасеніи милой родины!»

«Вечеромъ 1 Сентября кругомъ Москвы видно было страшное зарево горящихъ селъ и деревень. «Скоро, скоро и Москва запылаетъ! Огромные домы превратятся въ кучу камней, и можетъ быть, навсегда померкнетъ свѣтъ на главахъ церквей ея!...» Такъ думалъ я, сидя у окна и съ ужасомъ смотря на зарево.... Вообрази мое положеніе! Имѣя способъ выѣхать, я медлилъ.. не могъ принудить себя разстаться съ Москвою... не могъ приучить себя къ мысли, что долженъ буду жить не въ Москвѣ— что ета Москва скоро займется непріятелями... Глубокая тишина въ городѣ прерывалась однимъ стукомъ телегъ, ѣхавшихъ съ ранеными... Я уже не

вѣрилъ, что я въ Москвѣ! Въ полночь загремѣли фуры и тяжелая артилерія! «Все кончено! сказалъ я, Москва уже не существуетъ!»

«Едва разсвѣло, я вышелъ на улицу и увидѣлъ полки наши, проходящіе уже на Коломенку.... Москва безъ защиты, войско оставляетъ ее, и скоро непріятели явятся въ стѣнахъ ея! Проводя полки до *каменнаго моста*, я пошелъ по набережной и вошелъ въ Кремль. . . Въ послѣдній разъ помолился святымъ, и побрелъ, самъ не зная куда. . . . Подходя къ дому главнокомандующаго, слышу за собой крикъ. . . оглядываюсь и вижу нѣсколько человѣкъ бѣгущихъ съ отчаяными лицами. . . Французы! — Французы!» — Какъ?— «Да, они ужь у заставы!.» — Что мнѣ оставалось дѣлать? Возвратиться домой за деньгами и вещами уже поздно!. . . «Спасайся кто можетъ!» вскричалъ я, и побѣжалъ за народомъ.»

»Отойдя съ четверть версты отъ заставы, мы остановились, чтобъ еще разъ взглянуть на Москву. . . . горесть, отчаяніе, страхъ изображались на всѣхъ лицахъ. . . . Каждый вспоминалъ прошедшее спокойствіе, прошедшія радости. . . . неизвѣстное, грозное будущее сжимало серце. — Куда идти? думалъ я. . . Со мною не болѣе десяти рублей. Гдѣ найду пристанище?. Долго ли буду скитаться?.— Въ Ростовъ!— въ Ростовъ! сказалъ я — и поворотилъ вправо. . . Товарищи мои пошли прямо. Въ Ростовѣ жила у меня старушка-тетка, вдова бѣднаго дворянина, прожившаго все свое имѣніе на заведеніе библіотеки, которую никто не хотѣлъ купить послѣ его смерти. . . . Я еще разъ обернулся. . . . взглянулъ на Москву. . . . вздохнулъ, и побрелъ.«

»Я ночевалъ въ селѣ Пушкинѣ, а на другой день пришелъ къ Троицѣ.... Никогда Троицкій монастырь не ви-

далъ столько молящихся, какъ въ это печальное время: никогда молельщики не были усерднѣе. Неизвѣстность о судьбѣ отечества, о собственной своей участи, и настоящее бѣдствіе, соединяли всѣхъ любовію братскою: всѣ ждали помощи отъ одного великаго отца своего!»

«7 го числа я пришелъ въ Ростовъ, и нашелъ городъ и тетку въ страшномъ безпокойствѣ: всѣ сбирались къ выѣзду— всѣ прощались другъ съ другомъ — и въ потерѣ Москвы, видѣли общую гибель. Бѣдная тетка моя стала покойнѣе, потому, что я съ утра до ночи увѣрялъ ее, что французы и не думаютъ о Ростовѣ: мои доказательства не мѣшали однакожь ей, каждый день бродить по монастырямъ и плакать, пить чай и плакать, обѣдать и плакать, ложиться спать и плакать....»

«Каждый день, съ передовыхъ постовъ нашихъ проѣзжалъ въ Яро-

славль козакъ, съ донесеніемъ къ покойному принцу Ольденбургскому; но все, что мы знали, состояло въ томъ, что Москва горитъ... Что дѣлается въ Петербургѣ, гдѣ армія— никто ничего не зналъ, даже самъ г. городничій...»

« 17 го числа вечеромъ я сидѣлъ съ милою тетушкою за чайнымъ столикомъ. Вдругъ вбѣгаетъ къ намъ Акулина (которая живетъ теперь у меня), вбѣгаетъ Акулина и съ трепетомъ объявляетъ намъ, что Французы уже въ Деболахъ.... * Тетушка ахнула, покатилась со стула, и въ паденіи уронила столикъ съ самоваромъ и чашками..... Я забылъ близкое сосѣдство Французовъ, и бросился поднимать старушку... Она лежала безъ чувствъ... Переношу ее на постель, Акулину посылаю за лѣкаремъ. — Кипятокъ обварилъ всю мою тетку. — Приходитъ лѣкарь — щупаетъ пульсъ, качаетъ головой— и начинаетъ оттирать

* Отъ Ростова 10 верстъ.

бѣдную старуху. Она открыла глаза— но через десять минутъ, закрыла ихъ навѣки.— Похоронивъ ее, я не зналъ куда приклонить свою голову.—Слухъ о приближеніи Французовъ оказался ложнымъ: вѣстовщика отыскали, наказали—что однако не воскресило мою тетушку...»

»Живши въ Ростовѣ, я познакомился съ однимъ сельскимъ священникомъ, умнымъ и добрымъ человѣкомъ, присланымъ туда, его помѣщикомъ за благословеніемъ и совѣтомъ къ отцу архимандриту. . . Священникъ зналъ мое трудное положеніе, и предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ. . . Въ моихъ обстоятельствахъ, для меня все равно было, гдѣ ни жить. . . и я согласился; продалъ за сорокъ пять рублей имѣніе покойницы, препоручилъ библіотеку одному монаху: оставилъ Акулинѣ десять рублей , и поѣхалъ съ священникомъ къ село Уголокъ принадлещее Сидору Сидоровичу Пустякову.»

„Четыре дня, и четыре ночи, тащились мы до села; наконецъ пріѣхали. Мѣстоположеніе мнѣ очень понравилось. На другой день нашего пріѣзда, отецъ Иванъ повелъ меня, рекомендовать Сидору Сидоровичу. Входимъ на господской дворъ, и видимъ у крыльца осѣдланую лошадь для г. помѣщика. . . Не смотря на то, мы вошли въ переднюю: человѣкъ десять лакеевъ, въ желтыхъ курткахъ и холстиныхъ брюкахъ, сидѣли въ глубокомъ молчаніи, занимаясь каждый своимъ мастерствомъ: одинъ переписывалъ счеты, другой вязалъ чулки, третій плелъ соломенныя шляпы, четвертый чистилъ ружье, пятый точалъ сапоги, шестой кроилъ платье, седьмой спалъ. — Приходъ священника, и бѣдняка въ сѣромъ сертукѣ, не прервалъ ихъ занятій, и мы вошли въ залъ безъ доклада. — „Подождите здѣсь, сказалъ мнѣ отецъ Иванъ, а я доложу объ васъ Сидору

Сидоровичу.« — Сказалъ, и съ робостію подошелъ къ дверямъ кабинета... посмотрѣлъ въ замочную скважину — какъ можно тише отворилъ двери. . . и вошелъ. Я остался въ большой желтой залѣ, украшеной карикатурными портретами знаменитыхъ предковъ Сидора Сидоровича... въ углу лежали мѣшки съ пшеномъ, рожью, овсомъ. — Отецъ Иванъ возвратился и прервалъ мои наблюденія. — »Приказано подождать!« — Жалкая роля отца Ивана оскорбляла меня. . . я не вытерпѣлъ, и спросилъ его, почему онъ такъ унижается передъ человѣкомъ, которого всѣ достоинства заключаются въ томъ, что онъ имѣетъ село? . . . — »Здѣсь, отвѣчалъ священникъ, здѣсь родились и умерли, мои дѣды и прадѣды: они научили меня смиренію, и терпѣнію! Прежніе помѣщики были еще хуже! Къ тому же, помѣщикъ уважается болѣе, нежели священникъ! . . .« —

Въ ету минуту, въ кабинетѣ раздался громкій кашель — двери отворились — и Сидоръ Сидоровичь является. — Зеленый плисовый сертукъ, каричневыя шаровары, розовый платокъ на шеѣ, голубая жилетка — вотъ что облекало съ шеи до ногъ, моего патрона! Въ лицѣ его, я нашелъ большое сходство съ портретомъ покойнаго профессора еллоквенціи В. К. Третьяковскаго.— „Здравствуй, старичокъ! Ты изъ Москвы?" — Я готовъ былъ въ ту же минуту отвѣчать ему: *ты болванъ!* — но вспомня слова отца Ивана о кротости и смиреніи, и желая увидѣть всю помѣщичью спѣсь — я потупилъ въ землю глаза свои, и низко кланяясь отвѣчалъ: точно такъ-съ — изъ Москвы-съ — честь имѣю-съ рекомендоваться. — Онъ сѣлъ. — „Садись дружище!" — Я сѣлъ противъ него, а отецъ Иванъ у дверей. — „Ей! Клемка!" закричалъ Сидоръ Сидоро-

вичъ, и маленькое, жалкое твореніе въ желтой ливреѣ, является — остановилось у дверей, и выпучило внимательные глаза на господина помѣщика... „Принесите-ка намъ водки, да закусить!“ — Клемка ушелъ. — „Я „ѣду поохотиться! Теперь славная „пора! У сосѣда моего лихія собаки!... „Ну-такъ французы-то въ Москвѣ!... „Смотри пожалуй! И Бонапартюшка „съ ними! Ека притча! . . . Давай же „водки-то! . . . Приходи-ка ко мнѣ „завтра обѣдать... Я буду дома и мы „поговоримъ!“—Вотъ разговоръ господина помѣщика! Клемка является, ставитъ на столъ крафинъ водки, тарелку съ сушенымъ зайцемъ... и становится у дверей, заложа лѣвую руку назадъ, а правую между пуговицъ. Помѣщикъ налилъ рюмку водки, выпилъ, крякнулъ; потомъ поднесъ мнѣ... „а отцу Ивану дай-ка пѣнничку!“ — сказалъ онъ Клемкѣ. . .“

После етаго, велѣлъ принесть

теплые плисовые сапоги, шапку, рукавицы — надѣлъ все при насъ — и сказавъ: *простите*, ушелъ, и сѣлъ на своего бодраго коня.„

„Возвращась домой, мы пообѣдали, и разговоръ о помѣщикѣ возобновился. — Я негодовалъ! Какъ? въ то время, когда отечество стонетъ подъ игомъ новыхъ Татаръ, когда древная столица наша пылаетъ — наслѣдникъ отцовской глупости и трехъ сотъ душъ гоняетъ зайцевъ!... И сколько етихъ наслѣдниковъ!...“

„Подобныя мысли волновали душу мою... въ жару негодованія обвинялъ я самаго священника... но размышляя хладнокровнѣе, я оправдывалъ отца Ивана. — Что можетъ онъ сдѣлать? Что пользы раздражать гордость и глупость? Онѣ, и безъ того опасны: самый санъ священника обязываетъ его совершеннымъ смиреніемъ...„

„На другой день, я пришелъ къ обѣду его высокоблагородія въ то

самое время, когда оно занималось водкой и закуской. Приемъ тотъ же, — глупая деревенская спѣсь во всѣхъ словахъ, поступкахъ, разспросахъ... Когда разсказалъ я ему, кто я — онъ выпучилъ на меня свои глаза, и разинувъ широкую гортань, вскричалъ: »такъ вы господинъ майоръ! нашъ братъ! . . . доброе дѣло! «. . .

»До обѣда мы прогулялись въ саду... человѣкъ пятдесятъ слугъ Сидора Сидоровича рыли землю, укатывали дорожки, садили деревья. . . .

Мы возвратились въ желтый залъ. Столъ уже былъ накрытъ, и на шесть приборовъ... Я не зналъ, кто будетъ обѣдать съ нами, не зналъ, есть ли семейство у милаго Сидора — но Сидоръ самъ предупредилъ меня при входѣ почтенной компаніи. — Это моя супруга Матрена Савишна! « — и я отвѣсилъ низкой поклонъ его супругѣ Матренѣ Савишнѣ! А Матрена

Савишна, высокая, сухая, желтая фигура, въ зеленомъ ситцовомъ шлафорѣ... кивнула мнѣ головой, и сѣла на первое мѣсто. — „Ето мои дѣти!...“ — Я опять кланяюсь двумъ толстенькимъ Пустяковымъ: сыну и дочери... „А ето мадамъ Жибе!...“ Я взглянулъ, и мадамъ Жибе, маленькая, смуглая старуха, сказала мнѣ: Je vous salue, monsieur! Во все время обѣда никто не говорилъ со мной, чѣмъ я былъ очень доволенъ; хозяйка, хотѣла казаться знатною дамою, и для того сидѣла прямо, голову держала вверхъ, а локти разставляла во всю ширину стола; обращаясь къ мужу, обыкновенно говорила: *другъ мой Сидоръ Сидоровичъ*, *скажите, ангелъ мой*, и т. п., а Сидоръ Сидоровичь, положа обѣ руки на столъ, отвѣчалъ: *такъ маминька!* — Француженка представляла внимательную наставницу и поминутно кричала: Mr Jean! Mlle Annette! Ne faites pas ça! tenez-vous bien! a Mr Jean и Mlle Annette ку-

шали отъ всей души, и молчали, можетъ быть, отъ того, что не выучились еще по французски: по руски же, запрещено было имъ говорить. — Отобѣдавъ, хозяинъ и хозяйка пошли спать; дѣти пошли играть за учебный столикъ, а мадамъ учитъ ихъ — за своимъ туалетомъ.— Я прожилъ въ Уголкѣ полтора мѣсяца, и узналъ коротко достопочтенное семейство Пустяковыхъ — узналъ, что кругомъ, довольно имъ подобныхъ. Фамилія Пустяковыхъ была древнѣйшая въ губерніи; а какъ древнему дворянину, съ тремя стами душъ неприлично трудиться, то и г. Пустяковъ, ничемъ не занимался, кромѣ травли зайцевъ, и своего желудка. — Г-жа Пустякова, вытягивалась и рядилась въ розовыя и желтыя платья; Француженка кричала на дѣтей; дѣти росли въ совершенномъ невѣдѣніи всего земнаго — словомъ, все шло своимъ порядкомъ въ благословенной резиденціи Сидора Сидоровича.» —

» Между прочимъ, онъ увѣрялъ меня, что слишкомъ разоряется на обученіе мастеровыхъ для своего дома. . . . и подлинно! У него были всѣ возможные мастера и художники, учившіеся въ Москвѣ и Петербургѣ.... лѣтъ тридцать тому назадъ... Я увѣренъ, что черезъ 25 лѣтъ; въ резиденцію его будутъ ѣздить изъ любопытства, осматривать древности, и дивиться его мастеровымъ!»

» Мои занятія въ печальномъ уединеніи, состояли въ чтеніи священныхъ книгъ, въ рисованьи, и прогулкахъ. . . Подагра оставила меня въ это время, и во все продолженіе моего скитанья не безпокоила меня. . . говорятъ не я одинъ, обязанъ Французамъ за избавленіе отъ мучительницы...»

» 18 Октября, я услышалъ радостную вѣсть о изгнаніи Французовъ изъ Москвы. . . . 19 имѣлъ прощальную аудіенцію у Сидора Сидоровича и супруги его Матрены Савишны — а 20

побрелъ на родину, взявъ у отца Ивана тридцать рублей взаймы.»

«Обратное путешествіе мое, было несравненно пріятнѣе прежняго; я помолодѣлъ, и радость сдѣлала меня бодрымъ и крѣпкимъ. Въ Ростовѣ я нашелъ кладъ, то есть: продалъ библіотеку покойнаго дяди, одному знатному Москвичу... Взялъ двѣ тысячи рублей, взялъ Акулину, нанялъ подводу, и съ неописанымъ удовольствіемъ, поѣхалъ въ Москву.... — Я плакалъ въѣзжая въ созженую, разграбленую столицу нашу..... Выходя, я не думалъ ее опять увидѣть! .

Я нашелъ домикъ на Прѣснѣ, и жилъ въ немъ 15 мѣсяцевъ, каждый день радуясь отъ души воскресающей Москвѣ! Когда деньги, вырученыя за библіотеку, начинали уже истощаться — получаю извѣстіе о кончинѣ моей внучатной сестры, вмѣстѣ съ духовною, по которой я сдѣлался наслѣдникомъ ея имѣнія, и старости. — Я купилъ

етотъ домикъ, завелъ попрежнему библіотеку — вотъ и все! — вотъ и вся исторія моего пѣшеходства!

Возвратясь домой, послѣ вечерней прогулки, я нашелъ старца бесѣдующаго съ Онисимомъ Тимофѣевичемъ... „Насилу ты пришелъ, сказалъ Онисимъ Тимофѣевичъ, мы о тебѣ говоримъ! Я нашелъ тебѣ прекрасное мѣсто: — хочешь ли быть секретаремъ у графа Ъ? — Я взглянулъ на старца; онъ смотрѣлъ въ окно, и стучалъ пальцами по стекламъ... „Ну хочешь ли? продолжалъ Онисимъ Тимофѣевичъ. — Я порукою, что тебѣ хорошо будетъ! Если согласенъ — то приготовляйся: Графъ черезъ три дни ѣдетъ!" — Вѣдь надобно служить. . . особливо мнѣ, подумалъ я — подалъ Онисиму Тимофѣевичу руку и сказалъ: согласенъ! —

Старецъ быстро взглянулъ на меня — Онисимъ Тимофѣевичъ закричалъ: поздравляю! — Ктожъ етотъ графъ Ѣ? спросилъ я у Онисима Тимофѣевича; что я буду дѣлать у него? — Графъ, сказалъ старецъ съ живостію, графъ — есть графъ Ѣ, и имѣетъ 10,000 душъ — а должность твоя будетъ состоять: въ переписываніи его стиховъ и писемъ... — И только? — Не болѣе, отвѣчалъ Онисимъ Тимофѣевичъ; и за то готовая квартира, столъ, екипажъ, хорошее жалованье и. . . . . Благодарю васъ! сказалъ я пожимая руку добраго старца; благодарю васъ!—« О бѣдность! бѣдность! вскричалъ старецъ... Еслибъ ты былъ богатъ, или имѣлъ хотя малый достатокъ, я употребилъ бы всѣ силы, чтобъ отвлечь тебя отъ етаго мѣста... Но дѣлать нечего! Ты долженъ служить, долженъ страдать, долженъ мучиться, долженъ потомъ и терпѣ-

ніемъ доставать свое пропитаніе... Ты долженъ забыть свое спокойствіе, сердце, и чувства — долженъ провесть весь вѣкъ свой въ трудахъ, заботахъ, огорченіяхъ — долженъ — потому что ты бѣднякъ! потому что называешься просто Иваномъ, а не графомъ Иваномъ. Служи, ищи — но не забудь настоящаго счастія, до котораго не далеко: умѣренность во всемъ!...

Довольно! довольно! сказалъ Онисимъ Тимофѣевичь, вставая съ софы; онъ молодъ, получаетъ хорошее мѣсто, обезпеченъ — за чѣмъ же, заранѣе напитывать его печальными мыслями?... Я не имѣлъ такого намѣренія, отвѣчалъ старецъ — можетъ быть непріятность разлуки съ человѣкомъ, котораго я нашелъ по себѣ, причиною словъ моихъ..... Онъ отворотился къ окну, — задумался — и вдругъ обернулся къ намъ съ самымъ веселымъ видомъ. »Простите меня!

я еще все ребячусь!... и часто забываю, что все пройдетъ на семъ свѣтѣ!... Ты получаешь хорошее мѣсто, сказалъ онъ взявъ меня за руки — поздравляю! . . . Ты, (оборотясь къ Онисиму Тимофѣевичу) предложилъ ему ето мѣсто — благодарю ! — Ей Акулина! портеру ! . . . Етотъ вечеръ будетъ началомъ нашей разлуки!... Я обнялъ добраго старца. . . Слово разлука, напомнила все, что я теряю ! . . .

Акулина принесла портеръ ; старецъ налилъ стаканъ, и оборотясь ко мнѣ сказалъ: « Желаю — умѣренности! « Помни, что жизнь наша слишкомъ « коротка: наслаждайся настоящимъ, и « вѣрь провидѣнію ! « сказалъ, и выпилъ... Мы налили стаканы и выпили за здоровье старца... Друзья мои, отвѣчалъ онъ, друзья мои , желайте мнѣ скорой, легкой смерти! вотъ все, что прошу у Бога!... — Но погода разгу-

лялась, пойдемте насладиться умирающею природою!... —

Ета прогулка съ старцемъ была последнею въ моей жизни! — Его уже нѣтъ!...

Черезъ три дни послѣ етой прогулки, я выѣхалъ изъ Москвы съ графомъ Ъ... Ето было во вторникъ... въ 1-мъ часу ночи. Во весь день я почти не видалъ старца, и пріѣхалъ домой за два часа до отъѣзда.

Старецъ, и Онисимъ Тимофѣевичь сидѣли въ кабинетѣ... „Совсемъ уже? спросилъ старецъ когда я вошелъ къ нимъ. Совсемъ! отвѣчалъ я — и обнялъ его. . . — Садись же съ нами, и поговоримъ на прощаньи. — Разговоръ оживился — мы забыли, что разлучаемся — но пробило 12 часовъ. . .

Пора! сказалъ я—старецъ, и Онисимъ Тимофѣевичъ встали, и подали мнѣ руки.—Прости!... Камень упалъ на мою грудь!... Мнѣ было тяжело — но я не могъ плакать!... О разлука! о судьба!... Мы обнялись—я торопился оставить милое мнѣ жилище, и бросился въ подвезеную повозку. — »Умѣренность во всемъ! сказалъ старецъ, — и счастіе съ тобою! — закричалъ Онисимъ Тимофѣевичъ! . . .

*

Я пріѣхалъ въ Петербургъ. Съ первою почтою описалъ свое путешествіе моему почтенному другу; онъ отвѣчалъ мнѣ съ обыкновенною своею веселостію: ето письмо было первое и послѣднее! Черезъ четыре недѣли, получаю отъ Онисима Тимофѣевича извѣстіе... что милаго обитателя Лужниковъ нѣтъ уже въ семъ свѣтѣ! . . .

Ничто не могло развлечь моей горести!... Мнѣ казалось, что я вдругъ потерялъ все! Живу какъ пылинка носимая вѣтрами—знакомлюсь съ свѣтомъ — и твержу слова старца: во всемъ умѣренность! . . . .

Конецъ.

